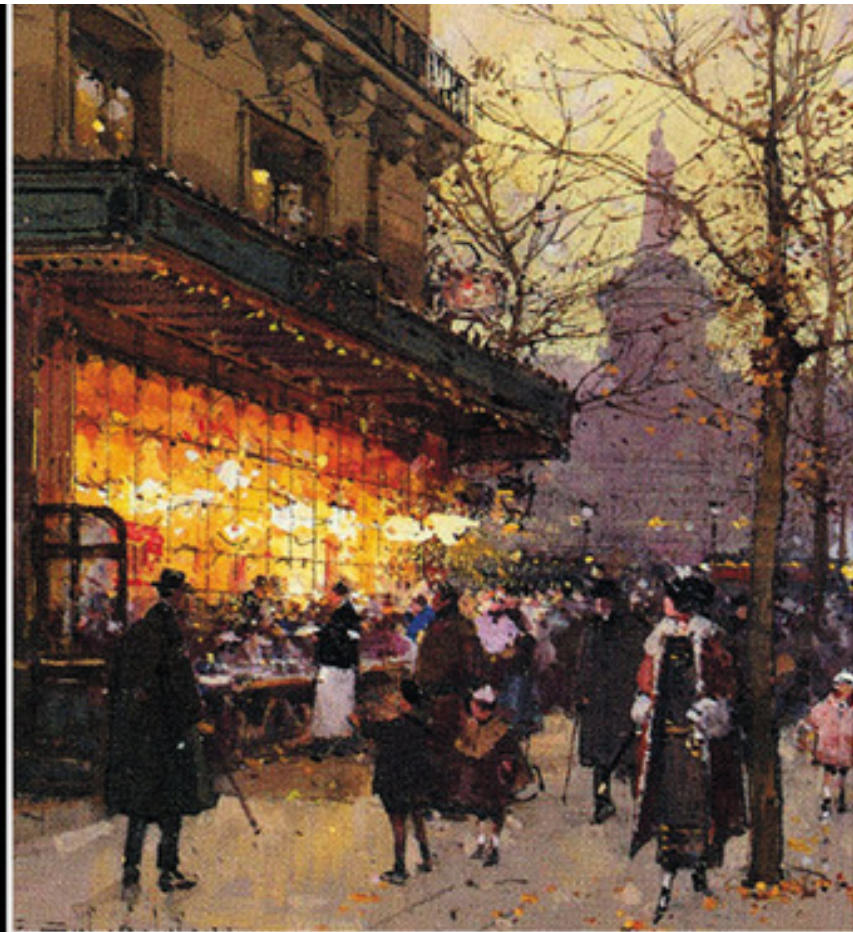

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Ирвин ШОУ

**Две недели
в другом городе**

Ирвин Шоу

Две недели в другом городе

«АСТ»

1960

Шоу И.

Две недели в другом городе / И. Шоу — «АСТ», 1960

Две недели в чужом городе. Время переосмыслить свою жизнь? Время пережить заново прошлое — или начать сначала? Начать с нуля? Попытаться отыграть назад прошлые неудачи и ошибки? Превратить старую муку и ненависть в новую нежность и любовь? Две недели в чужом городе. Время перемен...

© Шоу И., 1960

© АСТ, 1960

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	37
Глава шестая	48
Глава седьмая	51
Глава восьмая	56
Глава девятая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ирвин Шоу

Две недели в другом городе

Могучие слоны обладают качествами, редко встречающимися у людей, а именно: целомудрием, сдержанностью, чувством справедливости, уважением к традициям. Когда нарождается молодой месяц, они идут к реке и тщательно моются в ней; поприветствовав таким образом планету, они возвращаются в леса.

Они очень стыдливы и спариваются только под покровом ночи, тайком; прежде чем вернуться в стадо, они моются в реке.

Плиний в изложении Леонардо да Винчи

Серия «Книга на все времена»

Irwin Shaw

TWO WEEKS IN ANOTHER TOWN

Перевод с английского А.Е. Герасимова

Компьютерный дизайн А.М. Кузнецова

Печатается с разрешения наследников автора и Marsh Agency.

© Irwin Shaw, 1960

© Перевод. А.Е. Герасимов, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Глава первая

День был пасмурный, холодный, безветренный. К вечеру следовало ждать дождя. Из нависшей над аэропортом пелены доносился натужный рев невидимых самолетов. В ресторане уже горели огни. Самолет из Нью-Йорка опаздывал; диктор по-английски и по-французски объявил о тридцатиминутной задержке рейса Париж – Рим.

Обычное предотлетное ожидание неприятных сюрпризов усугублялось непогодой. Свет неоновых ламп придавал болезненный вид лицам раздраженных людей. Многие из присутствовавших в зале жалели о том, что предпочли самолет другим видам транспорта.

В углу ресторана, за столиком, украшенным, как и прочие, флажком одной из авиакомпаний, обслуживающих Орли, мужчина и женщина пили кофе, поглядывая на мальчика и девочку; дети прилипли к большому окну, выходящему на летное поле. Мужчина был крупным, с худощавым лицом. Его коротко подстриженные темные жесткие волосы, чуть тронутые сединой, заметной лишь вблизи, были зачесаны назад. Над глубоко посаженными голубыми глазами нависали густые брови; тяжелые набрякшие веки придавали ему облик отрешенного наблюдателя, холодного, бесстрастного зрителя. Движения его были медленными и осторожными, как у человека, рожденного для простора, но вынужденного долгие годы жить в тесноте. Его бледность объяснялась тем, что он всю зиму провел в городе. Похоже, ему с трудом удавалось сохранять маску сдержанности и добродушия. Издали он казался бодрым, здоровым и преуспевающим.

Женщине на вид было чуть больше тридцати; строгий серый костюм подчеркивал ее фигуру. Короткие черные волосы были уложены в соответствии с требованиями последней моды, крупные серые глаза – умело подведены. Она сидела очень прямо, манеры были безукоризненными, каждое движение – отточенным, строгим, а голос – свежим, звенящим. Она была француженкой, парижанкой, и это проявлялось во всем; ее лицо, в котором угадывалась чувственность, свидетельствовало о решительности характера, умении тактично, незаметно управлять окружающими. Дети были хорошо воспитанными, ухоженными; на первый, не слишком пристальный взгляд семья казалась мечтой рекламного фотографа – взлетное поле залито солнечным светом, улыбки позирующих говорят о том, как приятно и безопасно путешествовать по воздуху. Но солнце не показывалось над Парижем уже шесть дней, неоновые светильники в ресторане придавали предметам гнетущие оттенки, и никто сейчас не улыбался.

Дети пытались очистить кусочек запотевшего мутного стекла, чтобы очертания самолетов, стоящих на бетонированной площадке перед ангарами и на взлетной полосе, не расплывались.

– Это «Виконт», – сказал мальчик, обращаясь к сестренке. – Турбовинтовой.

– «Вайкаунт», – поправил его отец. – По-английски это звучит так, Чарли.

Низкий, проникновенный голос мужчины гармонировал с его внушительной фигурой.

– «Вайкаунт», – послушно повторил пятилетний мальчуган.

По случаю отъезда отца он был одет в строгий костюм и держался с серьезностью.

Женщина улыбнулась:

– Не беспокойся. К совершеннолетию он научится не смешивать два языка.

Она говорила по-английски бегло, с легким французским акцентом.

Мужчина рассеянно улыбнулся ей. Он хотел отправиться в аэропорт один. Он не любил долгих проводов. Но жена пожелала отвезти его на машине, взяв с собой детей. «Они обожают смотреть на самолеты», – сказала она, отстаивая свое предложение. Но мужчина подозревал иное – она, вероятно, надеялась на то, что в последнюю минуту, глядя на свою семью, он передумает и откажется от путешествия. Или что запечатлевшаяся в его памяти картина – хорошенькая мать и симпатичные малыши, прижавшиеся к ее юбке, – ускорит возвращение мужа.

Он допил горький кофе и с нетерпением взглянул на часы:

– Ненавижу аэропорты.

– Я – тоже, – отозвалась женщина. – Иногда. Я люблю встречать.

Подавшись вперед, она коснулась его руки. Догадываясь, что его шантажируют, он сжал ее кисть. «Господи, – подумал он, – что у меня за настроение».

– Я же ненадолго. Скоро вернусь.

– Не так уж и скоро, – возразила она. – Не так скоро, как хотелось бы.

– Когда я вырасту, – заявил Чарли, – я буду летать только на *avions a reaction*.

– На реактивных самолетах, Чарли, – автоматически поправил его мужчина.

– На реактивных самолетах, – повторил мальчик, не поворачивая головы.

«Я должен сдерживать себя, – подумал мужчина. – Он вырастет с сознанием, что я постоянно одергивал его. Он не виноват, что вечно вставляет французские слова».

– Я не могу упрекать тебя за то, – сказала жена, – что ты радуешься, убегая из Парижа в такую непогоду.

– Вовсе я не радуюсь, – возразил мужчина. – Мне приходится это делать.

– Конечно.

Он слишком хорошо знал ее, чтобы верить в искренность этого «конечно».

– Речь идет о большой сумме, Элен.

– Да, Джек, – согласилась она.

– Не люблю самолеты, – сказала девочка. – Они уносят людей.

– Точно, – подтвердил мальчик. – Глупая. Для этого они и существуют.

– Не люблю самолеты, – повторила его сестренка.

– Это больше, чем мой четырехмесячный заработок, – заметил Джек. – Мы наконец-то сможем купить новый автомобиль. И съездить зимой в какое-нибудь приличное место.

– Конечно.

Джек снова отхлебнул кофе и посмотрел на часы.

– Жаль только, что необходимость в поездке возникла именно сейчас.

– Я ему нужен именно сейчас.

– Ну, в этом ты разбираешься лучше меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего особенного. Только то, что ты понимаешь ситуацию лучше меня. Я даже знакома-то с ним лишь по твоим рассказам. Правда...

– Что?

– Правда, если вы такие близкие друзья, как ты утверждаешь...

– Мы были ими.

– Были. Странно, что за все эти годы он ни разу не навестил тебя.

– Он впервые в Европе. Я же говорил тебе...

– Помню. Но он здесь уже шесть месяцев. И потрудился написать тебе лишь неделю назад...

– Если я стану все объяснять, мы утонем в дебрях прошлого.

– Папа... – Мальчик повернулся лицом к отцу. – Ты когда-нибудь был в горящем самолете?

– Да.

– И что произошло потом?

– Огонь потушили.

– Тебе повезло.

– Да.

Мальчик посмотрел на сестренку:

– Папа был в горящем самолете и не умер.

– Утром звонила Анна, – сказала Элен. – Она сообщила, что Джо огорчен твоим отъездом.

Анна была женой Джо Моррисона, начальника Джека. Элен дружила с ней.

– На прошлой неделе я предупредил Джо о том, что хочу взять короткий отпуск. Подошла моя очередь. Он не возражал.

– Но затем, узнав о предстоящей конференции, он сказал, что ты ему нужен, – заметила Элен. – Анна говорит, он отпустил тебя очень неохотно.

– Я обещал приехать в Рим. Там на меня рассчитывают.

– Джо тоже рассчитывал на тебя.

– Придется ему обойтись пару недель без меня.

– Тебе известно, какое значение Джо придает лояльности сотрудников? – спросила Элен.

Джек вздохнул:

– Да, мне это известно.

– Он переводил людей бог знает куда за менее значительные проступки, – напомнила Элен. – К следующему сентябрю мы можем оказаться в Анкаре, Ираке или Вашингтоне.

– В Вашингтоне, – с деланным ужасом произнес Джек. – О Господи.

– Ты хочешь жить в Вашингтоне?

– Нет, – отозвался Джек.

– Когда мне исполнится восемнадцать лет, – заявил мальчик, – я пересеку la barriere de son¹.

– Я хочу сказать тебе кое-что, – произнесла Элен. – Ты вовсе не огорчен отлетом. Я наблюдала за тобой последние три дня. Ты рад возможности уехать.

– Я рад возможности заработать, – поправил жену Джек.

– Дело не только в этом.

– Еще я буду рад помочь Делани, – добавил Джек. – Если окажусь в силах, конечно.

– И это еще не все.

На красивом лице Элен появилась грусть. Смирение и грусть, подумал он.

– Ты рад случаю покинуть меня. Нас. – Рукой, обтянутой перчаткой, Элен указала на детей.

– Послушай, Элен...

– Не навсегда. Я не то имела в виду. На время. Ради этого ты даже готов ухудшить отношения с Джо Моррисоном.

– Я не стану отвечать на это, – устало промолвил он.

– Знаешь, – продолжила она, – ты не спал со мной уже более двух недель.

– Вот почему я не хотел, чтобы кто-то провожал меня в аэропорту. Из-за таких вот разговоров.

– Кто-то, – сказала Элен.

– Ты.

– Прежде, – заговорила она ласково, сдержанно, без осуждения, – в последние полчаса перед отъездом ты любил меня. Когда все чемоданы уже собраны. Ты это помнишь?

– Да, помню.

– Мне больше нравится «Эр Франс», – сказал мальчик. – Голубой – цвет скорости.

– Ты еще любишь меня? – негромко спросила Элен, подавшись вперед и заглянув мужу в глаза.

Джек посмотрел на нее. Его рассудок признавал, что она очень красива. У Элен были крупные серые глаза, высокие скулы и густые, подстриженные по-девичьи черные волосы. Но в этот миг он не любил ее. «Сейчас, – подумал Джек, – я не люблю никого. Разве что детей. Но

¹ звуковой барьер (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

это нечто инстинктивное. Хотя нет, не совсем инстинктивное». Из трех своих детей он любил только этих двух. Двух из трех. Вполне пристойное соотношение.

– Конечно, люблю, – ответил Джек.

Она чуть заметно улыбнулась. У нее была прелестная, доверчивая улыбка.

– Возвращайся с лучшим настроением, – попросила Элен.

Диктор по-английски и по-французски пригласил пассажиров, летящих рейсом 804 Париж – Рим, пройти таможенный досмотр. С чувством благодарности Джек оплатил счет, поцеловал детей, жену и направился к стойке.

– Желаю хорошо провести время, cheri².

«Элен ухитрилась произнести это так, – подумал Джек, – словно меня ждет отпуск».

Пройдя досмотр, Джек направился по мокрому бетону к самолету. Пассажиры уже поднимались по трапу, держа в руках посадочные талоны, журналы, пальто, ручную кладь с наклейками авиакомпании.

Когда лайнер начал выруливать на взлет, Джек увидел в иллюминатор жену и детей; стоя возле ресторана, они махали руками, и их яркие пальто оживляли серый фон.

Он тоже помахал рукой, затем, откинувшись на спинку кресла, облегченно вздохнул. Все могло быть гораздо хуже, подумал Джек, когда самолет начал набирать скорость.

– Хотите чаю?

В голосе стюардессы звучала профессиональная приветливость.

– Что у вас за пирожные, моя дорогая? – спросила старушка, направляющаяся в Дамаск.

– С вишневым вареньем, – ответила стюардесса.

– Сейчас мы пролетаем над Монбланом, – раздался голос в динамике. – Справа вы можете увидеть вечные снега.

– Мне, пожалуйста, одно пирожное и бурбон со льдом, – сказала маленькая старушка.

Она сидела слева и не стала подниматься из кресла, чтобы посмотреть на вечные снега.

– Славный получится полдник, – добавила она и захихикала. На высоте двадцати пяти тысяч футов она была способна на поступок, на который никогда не решилась бы у себя дома, в Портленде, штат Орегон.

– А вы что-нибудь хотите, мистер Эндрюс?

Стюардесса улыбнулась, склонив голову в сторону Монблана.

– Нет, спасибо, – ответил Джек.

Он хотел виски, но когда маленькая старушка попросила бурбон, Джек внезапно испытал отвращение к любой пище, принимаемой в самолете.

Джек посмотрел вниз на белую вершину Монблана; она лежала среди облаков в окружении других, менее высоких пиков. Внизу медленно проплывали Альпы; вершины, отбрасывающие четкие синие тени, сменяли одна другую, а над ними висело громадное круглое солнце. Казалось, снова наступил ледниковый период.

Джек задернул шторку, откинулся назад, вернувшись мыслями к событиям, из-за которых он оказался в этом самолете. Из газет он давно знал о том, что Морис Делани находится в Риме; последние пять-шесть лет Джек не получал от него писем. Неделю назад, услышав в телефонной трубке на фоне помех голос Клары, жены Делани, звонившей из Рима, Джек удивился.

– Морис сейчас не может подойти к аппарату, – сказала Клара, когда закончился обмен первыми, ничего не значащими фразами, – он все объяснит в письме. Он просит тебя поскорее приехать сюда, Джек. Он говорит, что ты – единственный человек, способный помочь ему.

² дорогой (фр.).

Морис в отчаянии. Здешние люди доводят его до безумия. Он заставил их назначить тебе гонорар в пять тысяч долларов – это достаточно за две недели?

Джек рассмеялся.

– Почему ты смеешься?

– Не обращай внимания, Клара.

– Он очень надеется на тебя, Джек. Что мне сказать ему?

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы приехать. Завтра телеграфирую ответ.

На следующий день, договорившись с Моррисоном, Джек послал телеграмму в Рим.

В письме, полученном Джеком, Делани излагал свою просьбу. Джеку дело показалось незначительным; его легкость не соответствовала вознаграждению в пять тысяч долларов. Несомненно, это приглашение связано с другими, более важными причинами, подумал Джек. Однако Делани не торопился их раскрывать.

Откинувшись с комфортом на спинку кресла в салоне первого класса – билет оплачивала кинокомпания, – Джек с наслаждением ощутил, что на две недели ему удалось убежать от однообразия своей работы и семейной жизни.

Он радовался предстоящей встрече с Делани, который в прошлом был его лучшим другом. Джек любил его. «Люблю», – поправил он себя. Работа, связанная с Морисом, не могла быть скучной и однообразной.

Джек расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, задев при этом рукой толстый конверт, торчавший из нагрудного кармана, на его лице появилась гримаса раздражения. Лучше сделать это сейчас, решил он. В Риме у него не будет свободного времени.

Джек вытащил из кармана письмо, которое за последние два дня уже прочитал трижды. Прежде чем снова взяться за него, он уставился на конверт с адресом, выведенным неестественно красивым почерком его первой жены. «Из трех жен, – подумал Джек, – две доставляют мне хлопоты. Две из трех. Устойчивое соотношение». Вздохнув, он вынул письмо из конверта и принялся читать.

«Дорогой Джек!

Представляю, как ты удивишься, получив мое письмо после столь продолжительного молчания, но речь идет о деле, которое касается или должно касаться тебя в той же мере, что и меня, поскольку Стив – не только мой сын, но и твой тоже, хотя все эти годы ты не слишком интересовался им; ты не можешь оставаться *совершенно* безучастным к тому, как он распоряжается своей жизнью».

Дойдя до отмеченного слова, Джек снова вздохнул. Стиль его первой жены не улучшился за прошедшие годы.

* * *

«Я сделала все зависящее от меня, чтобы повлиять на Стива, и в результате оказалась на грани нервного срыва. Уильям, неизменно более любящий, корректный и терпимый в отношении Стива, чем большинство знакомых мне настоящих отцов, также всячески пытался воздействовать на него. Но Стив с раннего детства проявлял ледяное презрение к Уильяму, и все мои старания изменить его отношение оставались безрезультатными».

Джек не без ехидства улыбнулся и продолжил чтение.

«После того, как Стив прошлым летом побывал у тебя, он стал отзываться о тебе с большей доброжелательностью или, во всяком случае, с меньшей недоброжелательностью, чем о ком-либо из своих знакомых...»

Джек снова улыбнулся, на этот раз лукаво.

«...И мне пришло в голову, что теперь, когда он переживает кризис, возможно, именно ты должен написать сыну и попытаться вправить ему мозги.

Я не хочу обременять тебя, но эта задача мне не по силам. Несколько месяцев назад, в Чикаго, Стив увлекся ужасной девицей по фамилии Маккарти; недавно он заявил, что собирается жениться на ней. Его пассии двадцать лет, она из кошмарной семьи, за душой у нее ни гроша. Как ты уже понял, она – ирландка, и, по-видимому, ее родители – католики, хотя у нее самой, как и у Стива и его друзей, все связанное с религией вызывает смех. Стив, как тебе известно, полностью зависит в материальном отношении от щедрости Уильяма, не считая тех скромных средств, что ты высылаешь на его обучение и проживание в университетском городке. Я согласна с Уильямом – он не обязан давать юноше, не являющемуся его сыном и с пятилетнего возраста не скрывающему свое неуважение к отчиму, деньги на сожительство с глупой студенткой, которую Стив подцепил на дискотеке».

Джека раздражало безудержное многословие его первой жены, однако мысль, скрывавшаяся за ним, была ему слишком ясна.

«Самое страшное – это то, что девчонка принадлежит к числу безответственных либералов, знакомых нам с тридцатых годов. Она напичкана провокационными идеями и находится в оппозиции к властям. Она заразила этой дурью Стива и толкает его на исключительно опасные, необдуманные поступки. Он – руководитель какой-то группы, требующей запретить испытания водородных бомб, они собирают подписи под какими-то петициями, вызывая раздражение администрации. До встречи с Маккарти научная карьера Стива двигалась прекрасно, его собирались после защиты диссертации оставить в университете. Теперь, как я понимаю, руководство стало в нем сомневаться, старшие коллеги по кафедре уже предупреждали его; ты можешь догадаться, как он, подстрекаемый своей девицей, отреагировал на эти дружеские советы. Более того, ему, как круглому отличнику, была дана отсрочка от призыва, но теперь он намерен объявить о сознательном отказе от службы в армии. Думаю, ты представляешь, к каким последствиям это приведет. Сейчас ему предстоит сделать решающий выбор. Если Стив женится на этой Маккарти и не откажется от своей идиотской политической активности, он погубит себя.

Не знаю, чем ты можешь помочь, но если в твоей душе сохранилось хоть немного любви к сыну и желания видеть его счастливым, ты попытаешься что-то предпринять. Даже такая малость, как твое письмо, может сыграть существенную роль.

Я сожалею, что первая весточка от меня, полученная тобой после длительного молчания, оказалась весьма огорчительной, но больше мне неоткуда ждать помощи.

Джулия».

Лист слегка дрожал в руке Джека, которой передавалась вибрация самолета. Навеки, подумал он. Что она имела в виду? Навеки фальшивая, навеки глупая, навеки бестолковая, навеки неестественная? Тогда неудивительно, что Стив не слушает ее.

Джек попросил стюардессу принести какую-нибудь подставку; когда его просьбу исполнили, он приготовился писать письмо сыну.

«Дорогой Стив», – начал он и остановился, увидев перед собой узкое, холодное, умное лицо юноши. Прошлым летом сын – красивый, отчужденный, застенчивый, наблюдательный – гостил у Джека и Элен. Для человека, никогда прежде не бывавшего во Франции, он поразительно хорошо говорил по-французски; Стив был со всеми вежлив и, как заметил Джек, мало пил; он доходчиво разъяснил тему своей научной работы, смутил своим появлением Джека и

уехал с двумя чикагскими приятелями в Италию. Атмосфера была напряженной, хотя до конфликта дело не дошло, и когда Стив внезапно сообщил о своем скором отъезде, Джек испытал облегчение. Он понял, что не способен полюбить сына; надеяться на это было бы глупостью с его стороны, да и сам Стив держался корректно, но не проявлял к отцу нежности. Он исчез, и у Джека осталось чувство вины, упущенного шанса, разочарования сыном, самим собой, судьбой.

И вот, пролетая над заснеженными хребтами, тянущимися посреди Европы, Джек пытался сочинить тактичное, доброе письмо, способное оказать воздействие на холодного и застенчивого молодого человека, который, как считала его мать, губил в Чикаго свою жизнь.

«Я только что получил от твоей матери письмо, и оно беспокоило меня. Она волнуется за тебя, и, по-моему, не без оснований. Считаю излишним перечислять тебе все причины, по которым двадцатидвухлетнему мужчине, не имеющему состояния и только начинающему завоевывать положение в жизни, не следует жениться. Я сам женился рано, и ты лучше, чем кто-либо, знаешь, как плачевно это закончилось. Греки говорят так: «Только глупый мужчина женится рано, и только глупая женщина выходит замуж поздно». Мой опыт подтверждает правильность по крайней мере первой половины этой народной мудрости. На твоем месте я хотя бы дождался конца учебы и получения должности. Брак загубил большее количество молодых людей, чем алкоголь. Если у тебя есть честолюбие – а мне кажется, оно у тебя есть, – и если ты прислушаешься к моему совету, когда-нибудь ты поблаговаришь меня за него».

Джек поднял голову. Он вдруг почувствовал, что маленькая старушка, сидящая по другую сторону прохода, пристально смотрит на него. Джек улыбнулся ей. Смутившись, старушка тотчас отвернулась к окну.

«Твоя мать также пишет, – продолжал Джек, – что ты рискуешь своим будущим, проявляя определенную политическую активность. Возможно, ты считаешь свои взгляды единственно правильными и испытываешь потребность заявить о них, но ты должен понимать, что для молодого человека, собирающегося в наше время заниматься ядерной физикой, опасно противодействовать политике правительства. Администрация Соединенных Штатов находится в сложном положении; чиновники из правительства (которое, как тебе известно, щедро финансирует исследования по выбранной тобой теме) зачастую проявляют нервозность и подозрительность. У них отменная память, и они не колеблясь окажут давление на организацию, которая собирается принять на работу человека, уличенного в нелояльности по отношению к властям, тем более что речь идет о сложной и неоднозначной проблеме. Тут, как и в вопросе брака, разумнее дождаться того времени, когда ты будешь менее уязвим, и до тех пор воздержаться от совершения поступков, чреватых необратимыми последствиями. Задумайся о практической стороне дела – принесет ли реальную пользу протест неопытного юноши или же только приведет к наказанию, которое не замедлит последовать. Вовсе не обязательно, Стив, пренебрегая опасностью, произносить вслух все рождающиеся в твоей голове мысли, хотя молодежь склонна вести себя подобным образом. Не следует путать тактическую и стратегическую гибкость с покорностью. Правда, последнее время сдержанность не в чести...»

Он перечитал написанное. «Новоявленный лорд Честерфилд, – со стыдом подумал Джек. – Я написал слишком много речей для генералов. Если бы я в самом деле любил сына, письмо было бы совсем иным».

«Позволь мне объясниться до конца. Я разделяю ужас, который внушает тебе перспектива новых ядерных взрывов и очередной войны. Я понимаю твои чувства и хотел бы, чтобы

испытания были прекращены, а опасность войны устранена. Однако ввиду отсутствия у обеих сторон конструктивных идей угроза войны существует. Но и в подобной ситуации у человечества имеется шанс выжить. Наша политика – не самая совершенная, но есть ли у нас альтернатива? Я причастен к выработке этой политики; многое в ней меня не устраивает, но все иные предлагаемые варианты еще хуже. Твой сводный брат Чарли выразил мои мысли лучше, чем это делаю я. Когда одноклассник спросил Чарли, чем занимается его отец, он ответил: «Мой папа пытается уберечь мир от новой войны».

Джек улыбнулся, вспомнив прижавшегося к запотевшему стеклу худенького мальчика, который сказал: «Мне больше нравится «Эр Франс». Голубой – цвет скорости». Затем Джек посмотрел на письмо, нахмурился, испытал желание порвать его и пригласить Стива в Рим для настоящего мужского разговора. Это обошлось бы в тысячу долларов и, судя по событиям последнего лета, не принесло бы плодов. Он снова принялся писать.

«Мне не нравится это мое письмо, но взяться за него меня заставило стремление спасти тебя от опасности, которую я вижу более ясно, чем ты. Пожалуйста, воздержись от необдуманных поступков».

Поколебавшись, он вывел на листе: «Твой любящий отец», сложил его вчетверо, засунул в конверт и написал адрес. Еще одна ложь полетит над океаном со скоростью четырехста миль в час, подумал Джек.

Спрятав письмо в карман, он откинулся на спинку кресла с сознанием того, что неприятный долг хоть и не лучшим образом, но все же исполнен. Прикрыв глаза, он попытался уснуть, отключившись от всех волнений и нервозности последних месяцев, завершившихся упреками Элен и недовольством Джо Моррисона по поводу отъезда Джека в Рим. «Забудь обо всем, – приказал он себе, стараясь освободиться от проблем, засевших в голове. – Да пусть он пошлет меня в Вашингтон, Монголию или Антарктиду – плевать на все. Пусть мой сын женится на бородатой циркачке или сбежит в Россию с последними секретами химического оружия, пусть я не буду спать с женой до конца этого века – мне все, абсолютно все безразлично...»

Наконец он задремал, погрузившись в тревожный сон современного путешественника.

Маленькая старушка уставилась поверх бокала с бурбоном на спящего человека. С момента посадки на самолет в Орли она то и дело украдкой поглядывала на него.

– Кто этот джентльмен, моя дорогая? – прошептала старушка, схватив за руку шедшую вдоль прохода стюардессу. – Я его где-то уже видела.

– Его фамилия Эндрюс, миссис Уиллоуби, – ответила стюардесса. – Он летит в Рим. Старушка посмотрела на лицо спящего мужчины. Покачала головой.

– Точно знаю, что где-то его уже видела, но где именно, не припомню. Вы уверены, что это мистер Эндрюс?

– Да, миссис Уиллоуби.

Стюардесса вежливо улыбнулась.

– Руки у него грубоваты, – произнесла старушка. – А лицо доброе, благородное. Я еще вспомню. Это кто-то из далекого прошлого.

– Конечно, вспомните, – сказала стюардесса и подумала: «Слава Богу, я схожу в Стамбуле».

– Вы, несомненно, слишком молоды, чтобы вспомнить, кто он.

Стюардесса с подушечкой в руках направилась вперед, а миссис Уиллоуби отхлебнула бурбон, глядя на сильные руки и благородное лицо мужчины, сидящего в кресле справа от прохода.

Джек спал беспокойно, периодически поворачивая голову из стороны в сторону; миссис Уиллоуби наблюдала за крупным человеком с массивной головой, по слегка отвисшей левой щеке которого от виска с тронутыми сединой темными волосами к подбородку тянулся шрам. Ему лет тридцать семь – тридцать восемь, решила миссис Уиллоуби; она совершила типичную для пожилых людей ошибку, уменьшив настоящий возраст Джека. Ей нравилось, что он высок и широкоплеч. Она любила встречать за границей рослых американцев. Она одобрила его строгий серый костюм, сидевший на нем с той свободой, из-за которой европейцы считают американцев нацией, не умеющей одеваться. Но старушке никак не удавалось вспомнить, где она видела своего соседа. Какая-то другая фамилия, не Эндрюс, вертелась на кончике ее языка. Провал в памяти вызывал у миссис Уиллоуби чувство тревоги; она показалась себе очень старой.

Проснувшись, Джек раздвинул шторы и увидел, что самолет теряет высоту неподалеку от Рима. Отвернувшись от окна, он заметил, что маленькая старушка разглядывает его, сморщив лоб. «У нее такой вид, – подумал Джек, застегивая ремень, – будто я во сне произносил непристойности».

Взлетно-посадочные полосы, умытые дождем, блестели в надвигающихся сумерках; клочья облаков, подсвеченных последними лучами заходящего малинового солнца, мчались по небу. Самолет лег на правое крыло, и Джек увидел, как опустились закрылки; он вспомнил свинцовую мглу, висевшую над Парижем, и порадовался тому, что в Риме совсем иная погода. Италия способна поднять настроение и как бы заново открыть человеку прелесть ярких красок, дождя, причудливых облаков, каким бы видом транспорта ни прибывал он в эту страну, подумал Джек.

Глава вторая

Бросив последний пристальный взгляд в сторону Джека, миссис Уиллоуби направилась в ресторан, чтобы там вместе с другими транзитными пассажирами дожидаться, когда самолет заправят топливом. Джек, проходя мимо старушки, вежливо коснулся рукой шляпы; он услышал, как она радостно произнесла: «Джеймс Роял». Она сказала это сирийцу, шагавшему рядом с ней. Мужчина, понимавший арабскую и французскую речь, знал лишь два английских слова. «Очень хорошо», – сказал он, изо всех сил стараясь продемонстрировать свое дружелюбие.

– Я думала, он умер, – добавила миссис Уиллоуби, шагая в направлении ресторана. – Кто-то мне говорил, что он умер.

Таможенный досмотр подходил к концу, и тут Джек увидел Делани, который стоял за стеклянной дверью зала ожидания. На нем были твидовая кепка завсегда и ирландских бегов и пальто из того же материала. Его загорелое лицо с близорукими глазами светилось сквозь стекло счастливой, приветливой улыбкой. Он не производил впечатления человека, угодившего в беду. Джек испытал громадное облегчение, не обнаружив во внешности Делани изменений, которые могли произойти за годы их разлуки, и понял, как сильно боялся увидеть друга постаревшим.

Когда Джек прошел через дверь, Делани крепко стиснул его руку и, сияя, произнес густым, хриплым голосом:

– Я сказал им: «Черт с вами, ступайте сегодня домой, я не могу допустить, чтобы его встречал шофер».

Делани подхватил кейс, который нес Джек.

– Позволь мне помочь тебе. Если, конечно, он не набит секретными бумагами, которые ты не можешь выпустить из рук без риска быть казненным.

Джек улыбнулся, шагая возле этого пышущего энергией, невысокого крепыша в сторону автостоянки:

– Да, там лежит стратегическая карта Северной Европы. Но дома у меня есть еще шесть копий.

Когда шофер и носильщик укладывали вещи Джека в багажник машины, Делани отступил на шаг и задумчиво поглядел на друга:

– Ты уже не похож на мальчика, Джек.

– Я и не выглядел как мальчик, когда ты видел меня в последний раз, – отозвался Джек, вспомнив свой прощальный визит к Делани.

– Нет, выглядел, – возразил Делани, качая головой. – Хоть это и казалось противоестественным. Травмированным мальчиком. Вот уж не думал дожить до твоих седых волос и морщин. Господи, только не говори, какое впечатление произвел на тебя я. Глядя на себя в зеркало во время бритья, я обливаюсь слезами. Ессо³, – сказал он носильщику, сунув ему в руку сотню лир. – Едем.

Они направились в Рим на зеленом дребезжащем «фиате». За рулем сидел смуглый человек с блестящими, тщательно причесанными волосами и печальными темными глазами, под которыми синели круги. Он маневрировал, как заправский гонщик, среди грузовиков и мотоциклистов, нетерпеливо расчищая себе путь дальним светом, когда кто-то мешал ему мчаться по узкой, неровной дороге мимо ипподрома и киностудий, построенных Муссолини, который хотел бросить вызов Голливуду.

– Автомобиль с шофером в твоём распоряжении, – сказал Делани. – Я настоял на этом.

³ Вот (ит.).

– Спасибо. Но если это сопряжено со сложностями, я могу ходить пешком. Люблю ходить пешком по Риму.

– Ерунда. – Делани сделал царственный жест. У него были на удивление маленькие, нежные руки ребенка-пианиста, не соответствовавшие мощному, крепко сбитому телу. – Эти люди должны чувствовать, что ты – важная персона. Иначе они не оценят твою работу. Держись с ними надменно, и они принесут тебе пять тысяч с елейной улыбкой на лицах.

– Да, кстати, я должен поблагодарить тебя...

– Перестань, перестань. – Делани снова махнул рукой. – Ты делаешь мне одолжение.

– Для меня это большие деньги.

– Я привык умасливать взятками слуг народа, – голубые глаза-льдинки Делани оживленно заблестели, – их участь незавидна. Кстати, поделись секретами. В ближайшие десять минут война не начнется?

– Полагаю, нет, – ответил Джек.

– Чудесно. Я успею закончить картину.

– Как идут съемки?

– Обыкновенно. Иногда мне хочется расцеловать всю группу. Иногда я готов застрелиться. Я пережил все это уже пятьдесят раз. Правда, сейчас добавляется чисто итальянский хаос. Здесь сценарий. – Делани похлопал ладонью по пухлой розовой папке, лежащей на сиденье. – Завтра утром можешь взглянуть на него.

– Не жди от меня чудес, – предупредил Джек. – Я уже лет десять не занимался озвучиванием ролей.

– Через три дня после смерти ты будешь лучшим актером, чем тот парень, что снимается у меня сейчас.

– Что с ним случилось? – спросил Джек. – Он всегда мне нравился.

– Алкоголь. Стал закладывать за галстук. Выглядеть еще год-другой он будет неплохо, но понять, что он говорит, уже невозможно. Твой голос должен звучать чисто, разборчиво, чувственно, так, чтобы и двенадцатилетний ребенок уловил каждое слово – ничего большего от тебя не требуется. – Усмехнувшись, Делани вдруг стал серьезным. – Ты не подведешь, малыш? Все будет как прежде, Джек...

– Постараюсь, – смущенно произнес Джек.

На мгновение его встревожило слишком озабоченное выражение холодных голубых глаз Делани. В них затаилась отчаянная мольба, не соответствовавшая незначительности роли, отведенной Джеку. Впервые в жизни ему показалось, что однажды Делани может потерпеть неудачу.

– Постараться – этого мало, – негромко сказал Делани. – Судьба картины целиком в твоих руках. Эта роль – ключевая. Я в лепешку расшибся, разыскивая тебя, только ты способен справиться с задачей. Когда прочитаешь сценарий и посмотришь отснятый материал, то согласишься со мной.

– Морис, ты по-прежнему слишком серьезно относишься к кино. – Джек попытался разрядить напряженность, внезапно возникшую в машине.

– Не говори так, – резко сказал Делани.

– Проработав столько лет, – продолжал Джек, – ты мог бы немного расслабиться.

– Когда я чуть-чуть расслаблюсь, пусть меня прогонят со съемочной площадки. Я не стану сопротивляться.

– Никому не удастся прогнать тебя со съемочной площадки, – возразил Джек.

– Это ты так думаешь, – сердито проворчал Делани. – Ты читал некоторые рецензии на мою последнюю картину? Видел финансовые отчеты?

– Нет, – солгал Джек.

Кое-какие статьи попадались ему на глаза, но он решил не признаваться. К тому же финансовых отчетов Джек действительно не видел. Хотя это было правдой.

– Ты настоящий друг. – На лице Делани появилась озорная насмешливая улыбка. – Да, еще. – Он огляделся по сторонам, словно боясь, что его могут подслушать. – У меня есть одна просьба.

– Какая?

– Понимаешь, – начал Делани, – съемки продлятся еще неделю. Если Стайлз пронюхает раньше времени, что его знаменитый золотой голос не будет использован, он...

– Неужели здесь это можно сохранить в тайне?

– В течение недели – да. Если повезет. А потом пусть он узнает. Съемки начинаются не раньше половины двенадцатого, мы будем делать наше черное дело по утрам. Ты способен вставать рано?

– Ты забываешь, что я хожу на службу.

– Неужели государственные чиновники встают нынче рано? – спросил Делани. – Мне это и в голову не приходило. Господи, ну и жизнь у тебя.

– Не так уж она и плоха, – отозвался Джек, защищая последние десять лет.

– Хорошо, что тебя отпустили ко мне. Скажи им, в следующем году я из чувства благодарности заплачу лишнюю сотню тысяч монет подоходного налога.

– Не делай этого.

Джек улыбнулся. Тяжба, которую Делани вел с налоговым управлением, широко освещалась прессой; кто-то из журналистов вычислил, что если Делани будет впредь все свои заработанные деньги отдавать в счет погашения долга, то к девяностолетию он все равно останется должен казне двести тысяч долларов.

– У меня не был использован очередной отпуск, – пояснил Джек. – Последнее время я стал таким невыносимым, что, когда улетел, многие в Париже, верно, вздохнули с облегчением.

Джек не собирался сообщать Делани, чем он рисковал, бросив Моррисона на две недели.

– Трудисься в поте лица, защищая цивилизацию, малыш? – спросил Делани.

– Двадцать четыре часа в сутки.

– Русские тоже забыли о сне?

– Мой шеф уверяет меня в этом.

– Господи, – сказал Делани, – возможно, нам следует взорвать этот мир. Как ты думаешь, когда планета расколется пополам, документы с цифрами доходов погибнут?

– Нет, – ответил Джек. – Они останутся на микрофильмах, хранящихся в подземных сейфах.

– Ты отнимаешь у меня последнюю надежду. Объясни, чем ты занимаешься в Париже со своими вояками?

– Всем понемногу, – пояснил Джек. – Принимаю прибывших в Европу конгрессменов, когда мой начальник занят; строчу отчеты, отбиваюсь от газетчиков, сопровождаю фоторепортеров, уводя их подальше от секретных объектов, сочиняю речи для генералов...

– Давно ли ты выучился писать?

– Любой человек, знающий, что в слове «устрашение» пятая буква «а», а не «о», годен для составления подобных речей.

Делани раскатисто засмеялся:

– И как тебя занесло на такое место?

– Это произошло случайно.

«Как и все в моей жизни», – подумал Джек.

– Одним воскресным днем я играл в теннис на кортах Сен-Жермен в паре с одним полковником ВВС. Мы выиграли. Он не захотел терять надежного партнера и предложил мне эту работу.

– Полно заливать, – улыбнулся Делани. – Такие легкомысленные люди не встречаются даже среди офицеров ВВС. Наверняка он о тебе уже кое-что знал.

– Конечно, – согласился Джек. – Ему было известно, что когда-то я работал в кино; натовцы собирались заказать документальный фильм о своей организации, и тут подвернулся я...

– Гвидо! – закричал Делани, обращаясь к шоферу, только что едва не врезавшемуся в такси. – Если я погибну по твоей вине, ты этого никогда себе не простишь!

Водитель повернул голову, сверкнул широкой, счастливой, белозубой улыбкой, только его темные глаза остались печальными.

– Он понимает по-английски? – спросил Джек.

– Нет. Но, как всякий итальянец, восприимчив к интонации. Скажи мне, – произнес Делани, – как твоя семья? Сколько у тебя детей? Трое?

– От какой из жен?

Делани усмехнулся:

– От нынешней. Сколько у тебя детей от первых двух, мне известно.

– Двое, – ответил Джек. – Мальчик и девочка.

– Ты счастлив? – Делани изучающе уставился на Джека.

– Ага, – сказал Джек.

Везде, кроме аэропортов и некоторых других мест, подумал он.

– Наверно, мне тоже следовало жениться на француженке, – заметил Делани.

Он состоял сейчас в четвертом браке; третья жена Делани стреляла в него на улице из охотничьего ружья.

– Попробуй как-нибудь.

– Вот закончу фильм и приеду к тебе в Париж, – заявил Делани. – Это пойдет мне на пользу. Полюбуюсь семейной идиллией. Если я когда-нибудь его закончу.

– О чем он? – Джек дотронулся до лежащей на сиденье розовой папки.

– Ничего оригинального. – Делани скорчил гримасу. – Бывший американский солдат, запутавшийся в жизни, попадает в Рим и встречает там свою прежнюю любовь. Средиземноморская страсть, одобренная англосаксонским чувством вины. Сюжеты с каждым днем становятся все более избитыми.

Замолчав, он угрюмо уставился на плотный транспортный поток.

Джек тоже посмотрел в окно. Они проехали мрачную церковь Санта-Мария Маджоре.

– Когда-нибудь, – заметил Джек, – по дороге из аэропорта я остановлюсь здесь и посмотрю, как выглядит здание внутри.

– Это единственный город, где меня не тянет в церкви. – Делани сухо усмехнулся. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но в 1942 году я даже исповедовался. Это было в Калифорнии. Кардиолог сказал, что мне осталось жить шесть месяцев.

Когда церковь скрылась из виду, Делани добавил:

– В течение нескольких лет нам обоим чертовски везло.

– Да, – согласился Джек.

– Мы приносили друг другу удачу. Словно были на какой-то период застрахованы от провалов.

Он грустно улыбнулся.

– И надо же было начаться проклятой войне. – Делани покачал головой. – Может быть, мы снова принесем друг другу удачу. Как прежде. Это ведь возможно, правда?

– Вполне, – подтвердил Джек.

– Боже, каким ты был тогда красавцем. Проклятая война, – тихо произнес Делани и добавил более оживленно: – В конце концов мы оба остались живы. Не так уж это и мало – жить, да еще в Риме. Ты бывал здесь прежде?

– Два или три раза. По несколько дней.

– Послушай, – сказал Делани, – у тебя есть планы на вечер?

– Нет, – ответил Джек.

– Ты уверен, что не назначил свидание какой-нибудь истосковавшейся по тебе пышногрудой итальянской кинозвездочке?

– Вынужден напомнить тебе, – мягко сказал Джек, – теперь я – солидный государственный служащий. Прошрое кануло в Лету.

– О'кей. Я позвоню тебе через час. Ты успеешь принять душ, смыть с лица дорожную пыль. Тебя ждет сюрприз.

– Какой? – спросил Джек, когда швейцар открыл дверь автомобиля, остановившегося возле отеля.

– Увидишь, – загадочно ответил Делани вылезавшему из машины Джеку. – Приготовься к увлекательному вечеру. Встретимся в баре через час.

Водитель уже извлек из багажника вещи Джека, швейцар понес их к гостиничному подъезду. Машина отъехала. Джек помахал рукой Делани, повернулся и зашагал вверх по ступеням. Из вращающейся двери вышли две женщины и мужчина. Они преградили путь Джеку, и он остановился. Женщины держали своего спутника под руки словно больного; более рослая из них обхватила рукой его талию. Поравнявшись с Джеком, мужчина внезапно вырвался и, покачиваясь из стороны в сторону, шагнул к нему. На лице незнакомца блуждала улыбка, волосы его были растрепаны, глаза, смотревшие на Джека, налились кровью. Замахнувшись, он ударил Джека.

– Сэнфорд! – закричала одна из женщин.

– О Боже! – вырвалось у второй.

Джек отлетел назад. Колонна, оказавшаяся за его спиной, не дала ему упасть. Он тряхнул головой, пытаясь вернуть четкость окружающим предметам, собрался, стиснул кулаки и шагнул к ударившему его нахалу. Но было уже поздно. Сэнфорд опустился на колени; вяло взмахивая руками, точно дирижер перед оркестром, исполняющим медленный вальс, он глупо улыбался Джеку.

– Вы что, с ума сошли?

Джек застыл над обидчиком, касаясь его носком ботинка и ожидая, когда хулиган встанет и его можно будет ударить.

– Arrivederci, Roma⁴, – сказал Сэнфорд.

Женщины засуетились вокруг своего спутника; просунув руки ему под мышки, они безуспешно пытались поставить его на ноги. Все трое были явно американцами, женщины, похоже, уже разменяли пятый десяток; коренастому мужчине в измятом костюме было лет тридцать пять.

– О, Сэнфорд, – проговорила более высокая женщина чуть не плача, – что ты творишь? Ее шляпу украшали две искусственные гардении.

– Позвать полицейского, сэр? – Швейцар, сделав скорбное лицо, застыл возле Джека. – Он тут, на углу.

– Ради Бога, не надо... – запричитала женщина с гардениями.

– Пусть этот негодяй поднимется, – произнес Джек.

Потрогав свой нос рукой, он запачкал ее кровью.

Мужчина, устроившийся на ступенях, посмотрел на Джека; голова его покачивалась, на губах играла хитрая самодовольная улыбка.

– Arrivederci, Roma, – запел он.

– Он пьян, – сказала вторая женщина. – Пожалуйста, не бейте его.

⁴ Прощай, Рим (ит.).

Женщинам удалось поставить Сэнфорда на ноги, они принялись поправлять его костюм, что-то нашептывать ему, успокаивать Джека и швейцара; затем заслонили собой пьяного, не подпуская к нему Джека.

– Стоило нам оказаться в Европе, как он запил. Сэнфорд, неужели тебе не стыдно?

Женщина в шляпе не умолкала ни на мгновение, обращаясь то к Сэнфорду, то к Джеку.

– Боже, вы весь в крови. У вас есть платок? Вы погубите свой прекрасный серый костюм.

Она вытащила из сумочки платок и дала его Джеку. Он приложил платок к носу. Вторая дама оттолкнула пьяного в сторону, подальше от Джека, пробормотав: «Сэнфорд, ты же обещал вести себя прилично».

Джек почувствовал, что тонкий надушенный платок быстро намокает. Проникающий в ноздри сквозь кровь аромат показался ему знакомым; он озадаченно, неуверенно принялся к этому запаху.

Под portico⁵ въехало такси, из него вышла пара; пока мужчина расплачивался с водителем, женщина с любопытством уставилась сначала на Джека, затем на пьяного и его спутниц. Ее осуждающий, холодный взгляд вызвал у Джека желание объяснить им, что тут произошло.

Женщина в шляпе снова порылась в сумочке, ни на секунду не закрывая рта.

– Пруденс, – громко зашептала она с бостонским акцентом, – посади этого хулигана в такси. На нас уже смотрят.

Вытащив из сумочки десять тысяч лир, она сунула бумажку Джеку в карман.

– Не надо вызывать полицию, хорошо? Простите его, ради Бога. Это вам на химчистку.

– Послушайте, – начал было Джек, вынув деньги из кармана и попытавшись вернуть их женщине. – Я не собираюсь...

– Ну конечно. – Женщина воспрянула духом.

Она протянула швейцару тысячелировую купюру. Люди, заходившие в отель, поглядывали на них.

– Вы очень любезны, – величественно произнесла американка. – А теперь садись в такси, Сэнфорд. Только прежде извинись перед джентльменом.

– Вот что они пели, – кивая и улыбаясь, произнес пьяный, – когда тонула «Дория».

– Выпив, он становится невыносимым, – заявила женщина.

Продемонстрировав недюжинную силу, она впихнула Сэнфорда в автомобиль и захлопнула за собой дверь.

– Arrivederci, Roma, – донесся из отъезжающей машины голос мужчины. – Italianские моряки. Команда попрыгала в шлюпки. Вы видели его рожу, когда я ему вмазал? Нет, вы видели?

Из такси донесся женский смех – звонкий, пронзительный, безудержный; он заглушил рев мотора и шуршание шин.

– Здорово вам досталось, сэр? – спросил швейцар.

– Нет, пустяки. – Джек покачал головой и проводил взглядом машину, скрывающуюся за углом.

– Этот Сэнфорд – ваш знакомый? – Заботливо поддерживая Джека под локоть, словно боясь, что он упадет, швейцар подвел Эндрюса к входной двери.

– Нет, впервые его вижу. Вы знаете, кто он такой?

– Я тоже не встречал его прежде. Очень сожалею о случившемся, сэр. – На удлинённом лице старого отставника появилось выражение беспокойства. – Надеюсь, последствий не будет, сэр?

– Что? – Джек в недоумении замер возле вращающейся двери. – Что вы имеете в виду?

– Ну, вы не станете жаловаться администрации, сэр, настаивать на расследовании?

⁵ портик (ит.).

– Нет, – ответил Джек. – Не волнуйтесь. Последствий не будет.

– Понимаете, сэр, – проговорил швейцар, – они – не итальянцы.

Джек улыбнулся:

– Я понял. Забудьте это происшествие.

Швейцар, радуясь тому, что репутация его соотечественников не пострадала, церемонно поклонился Джеку:

– Благодарю вас, сэр. Я уверен, ваш нос быстро заживет. – Он толкнул дверь; Джек, прижав окровавленный платок к носу и вдыхая аромат духов, вошел в вестибюль. Подходя к стойке, он узнал этот запах. Его жена пользовалась такими же духами. «Femme»⁶, вспомнил он, ну конечно, «Femme».

Когда Джек назвал портье свою фамилию и протянул ему паспорт, служащий отеля приветливо улыбнулся.

– Да, мистер Эндрюс, для вас забронирован «люкс».

Он нажал кнопку вызова носильщика и сочувственно посмотрел на Джека.

– Ударились, сэр? – спросил портье, стоящий на страже благополучия гостей, для которых забронирован «люкс».

– Нет. – Джек посмотрел на платок, чтобы проверить, не остановилась ли кровь. – У меня склонность к носовым кровотечениям. Это наследственное.

– О, – огорченно произнес портье, охваченный жалостью ко всем родственникам Джека.

Кровь еще шла, поэтому Джек ехал в лифте, прижав к носу платок. Он уткнулся взглядом в спину носильщика, делая вид, будто не замечает двух молодых женщин, находившихся в кабине; они шептались на испанском, с любопытством поглядывая на Джека.

В гостиной «люкса» стояли свежие цветы, на стенах висели картины с видами Рима. Джек, вспомнив тесную парижскую квартиру с разбросанными по ней детскими вещами и пятнами на потолке, улыбнулся, радуясь строгой элегантности «люкса». Он так давно не покидал Парижа, что уже забыл, как замечательно оказаться одному в гостиничном номере. Дав носильщику чаевые и письмо к сыну, Джек осмотрел спальню и просторную, отделанную мрамором ванную с двумя раковинами. «Один умывальник для меня, – подумал он, – второй – для кого-то еще». Взглянув на себя в зеркало, он заметил, что нос начал распухать. Джек слегка надавил на него. Брызнувшая кровь заалела на белой раковине. «Похоже, перелома нет и синяка под глазом не будет», – успокоил себя Джек.

«Вот сукин сын», – подумал он, вспомнив сидящего перед вращающейся дверью пьяного, избежавшего наказания. Затолкав в ноздри туалетную бумагу, Джек вызвал горничную и официанта. Вытащил из чемодана бутылку виски, костюм, халат. Критически осмотрел костюм. Реклама утверждала, что в этом американском чемодане можно, не помяв, разместить три костюма, так что необходимость гладить их после путешествия отпадает. Однако на самом деле извлеченный Джеком из чемодана костюм выглядел так, словно его только что жевала корова. Эндрюс скорчил гримасу, вспомнив, сколько стоил чемодан. Он не мог оставаться в костюме, забрызганном кровью. Любой полицейский заподозрил бы Джека в совершении убийства.

Молодой франтоватый официант, которого, несомненно, ждала блестящая карьера, появился в сопровождении горничной – седой старушки с виноватой беззубой улыбкой на лице; ее измученный вид говорил о бедности, частых родах, лишениях, вдовстве, мелких кражах.

Джек попросил официанта принести лед и отдал горничной измятый костюм, а также запачканный кровью пиджак, чтобы она привела одежду в порядок.

⁶ Женщина (*фр.*).

– *Per pulire, per favore*⁷, – сказал Джек, похвалив себя за то, что он вспомнил, как по-итальянски будет «чистить».

Осмотрев пиджак, висевший у нее на руке, горничная коснулась пальцем одного из влажных коричневых пятен и вопросительно взглянула на Джека.

– Кровь, – объяснил он, безуспешно пытаясь вспомнить соответствующее итальянское слово. – Кровь, – повторил он, повысив голос.

Не поняв Джека, старушка заулыбалась угодливо и встревоженно.

– *Va bene*⁸, – пробормотала она.

– *Sangue*⁹, – снисходительно, с нетерпением в голосе произнес официант, уходя. – *Sangue*.

– *Ah, sì, sì, sangue*. – Горничная затрясла седыми кудряшками, стыдясь своей несообразительности, словно в роскошные отели гости всегда прибывали в костюмах, забрызганных кровью. – *Subito, subito*¹⁰.

Она исчезла за дверью вслед за официантом. Ожидая, когда официант вернется со льдом, Джек принялся разбирать вещи. Он разместил остальные костюмы в шкафу, надеясь, что к завтрашнему утру они отвисятся. Поставил на туалетный столик в спальне обтянутую кожей рамку с фотографией жены и детей. Затем шагнул на небольшой балкон, но «люкс» выходил окнами внутрь квартала. Джек увидел лишь соседний дом, отделенный от отеля переулком; здание, умытое дождем, серело на фоне вечернего неба, в его окнах отражалось неоновое многоцветье римской рекламы. Откуда-то снизу доносился громкий, ритмичный рок-н-ролл. Прохладный воздух был еще насыщен влагой; безликие контуры зданий, неоновые огни, резкие, дисгармоничные звуки музыки казались приметами любого современного города, принадлежащего веку Америки. Вид, открывающийся с балкона, ничем не напоминал о временах, когда здесь правил Цезарь, спорил с папой Микеланджело, а короли короновались в двух милях от этого места.

Замерзший Джек вернулся в комнату, укрывшись за высокой стеклянной дверью от пронзительных звуков радио. Он заметил лежащую на туалетном столике скомканную купюру достоинством в десять тысяч лир, которую ему навязала та женщина, и улыбнулся, подумав о том, что ему доводилось проливать кровь и за меньшую сумму. Джек разгладил ассигнацию и положил ее в бумажник, но не в отделение для денег, а рядом с правами.

Когда официант принес лед, Джек налил себе виски, разбавив его водой. Он снял туфли, сел на край кровати и стал потягивать спиртное; путешествие утомило Джека, припухший нос слегка ныл.

Сидя так с опущенными веками, чувствуя вкус крови, Джек увидел перед глазами другую, медленно кристаллизующуюся картину – призрачное воспоминание о далеком детстве. Тогда он сидел на деревянной скамье, и кровь стояла в горле. Джек полностью закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, и видение стало более ясным. Весенний день, влажная трава пахнет свежестью. Ему десять лет, он находится на школьном бейсбольном поле; отскочивший от земли мяч угодил ему в переносицу. Кровотечение длилось три часа, пока домой не пришел отец, который приложил лед к затылку мальчика и заставил его лечь на кровать так, чтобы запрокинутая голова свисала с ее края.

– В следующий раз, – весело сказал отец, когда мать с тревогой на лице застыла над сыном, – ты не будешь отбивать мяч носом.

– Я не ждал такого отскока.

⁷ Пожалуйста, почистите (*ит.*).

⁸ Хорошо (*ит.*).

⁹ Кровь (*ит.*).

¹⁰ Сейчас, быстро (*ит.*).

– В жизни отскок часто бывает неожиданным, – назидательным тоном произнес отец. – Это нормальное явление. О нем забывать нельзя.

Вспоминая, Джек улыбался; он почувствовал себя лучше. Благодаря вкусу крови, вернувшему его в детство, он словно сбросил несколько лет. Джек поставил на столик недопитое виски, взял из ведерка кусок льда и, прижав его к основанию черепа, лег на спину. Он был рад тому, что отец предстал перед его глазами молодым человеком.

Джек начал погружаться в дремоту, не замечая холодных капель, катившихся за воротник. «Sangue, sangue, – мысленно произнес он. – Как же я мог забыть такое простое слово?»

Глава третья

Придя в бар, Джек не нашел там Делани. Эндрюс успел принять душ, тщательно причесать влажные волосы, надеть отутюженный костюм. Нос его оставался немного припухшим, но кровотечение прекратилось. Душ взбодрил Джека, помог прогнать сонливость, зарядил энергией. В баре было много солидных американцев среднего возраста; они заслужили свои коктейли долгим стоянием перед статуями и алтарями, походами к развалинам и триумфальным аркам, хлопотами, предшествующими аудиенции папы. Все места у стойки были заняты; чтобы взять мартини, Джеку пришлось протиснуться между мужчиной и женщиной.

– Он сказал, что не понимает по-немецки, – произнесла с сильным немецким акцентом женщина, – но я знаю, что он солгал. Все евреи понимают немецкую речь.

– Ты откуда? – спросил мужчина.

– Из Гамбурга, – ответила его рыжеволосая собеседница.

Черное платье с глубоким вырезом спереди плотно облегалo ее пышную фигуру; у женщины было хитрое порочное лицо и крупные красноватые руки крестьянки. Джек, за последние несколько лет заходивший в этот бар три-четыре раза, уже видел ее здесь; угадать профессию женщины не составляло труда. Заведение было приличным, и поэтому немка сама не приставала к мужчинам, но у нее, несомненно, была договоренность с хозяином бара.

Немцы, подумал Джек, с отвращением поглядев на женщину, готовы удовлетворять любые запросы послевоенной Европы. Парижские шлюхи хотя бы не выглядят такими самодовольными.

Он повернулся спиной к паре, сидевшей у стойки; держа бокал в руке, обвел взглядом бар. Компания стоявших возле Джека молодых итальянцев загораживала от него ближний угол зала; великолепно подстриженные, в галстуках нежных тонов, повязанных вокруг ослепительно белых воротничков, они оживленно беседовали; красивые, полные жизненных сил, готовые к любви, преступлению, путешествиям юноши оценивающе разглядывали каждую входившую в бар женщину. Джек позавидовал их внешности, уверенности, молодости, но прежде всего – их непосредственности. Как большинство американцев, Джек всегда скрывал свои эмоции, и эта недостижимая итальянская раскрепощенность, нескрываемое жизнелюбие и бесстыдная доступность заставляли его осознавать собственную неопытность и глупую невинность.

Джек сделал шаг в сторону, чтобы осмотреть весь бар. Он пригляделся к лицам посетителей и понял, что ищет ударившего его мужчину, а также женщин, сопровождавших пьяного. Их в баре не было. Недовольный собой, Джек пожал плечами. «Что бы я сделал, если бы увидел его?» – подумал он.

Допив коктейль, Джек собрался заказать новую порцию, но вдруг заметил вошедшего в зал Делани; Морис был в том же пальто, что и прежде, из кармана торчала кепка. Мягкие светлые волосы Делани падали на лоб. Лицо режиссера выдавало его тяжелый, властный характер.

– Мы опаздываем, – с ходу произнес Делани. – Идем отсюда. Терпеть не могу эту дыру. Здесь собираются одни паразиты.

Он с неприязнью посмотрел на группу итальянцев, на шлюху-немку, на измученных экскурсиями американцев.

Джек заплатил за мартини и вслед за Делани направился к двери.

– Куда мы опаздываем? – спросил он.

– Увидишь, увидишь. – Делани наслаждался заинтригованностью Джека.

Внезапно остановившись, Морис с любопытством посмотрел на своего друга:

– Что у тебя с носом?

– Пьяный ударил меня возле отеля, – смущенно пояснил Джек.

- Когда?
- Через минуту после твоего отъезда.
- Ты встречал его раньше?
- Никогда.

Делани усмехнулся:

– Ты мгновенно включился в бурлящую жизнь Вечного города, да? Я здесь уже пять месяцев, а меня никто еще не ударил.

– Зато тебе успели испачкать воротничок губной помадой. – Джек зашагал к выходу.

Рука Делани непроизвольно потянулась к горлу.

– И где это меня угораздило?

– Клара обедает с нами? – спросил Джек, подойдя к двери.

– Нет. – Делани не стал вдаваться в подробности.

Они сели в зеленый «фиат»; швейцар с армейской выправкой сочувственно поглядел на нос Джека, словно он напомнил ему о грехах собственной юности, и захлопнул дверцу автомобиля.

Делани, расположившись в углу и держа спину очень прямо, смотрел на проносившиеся мимо машины.

– Господи, итальянцы мчатся как юнцы, мечтающие занять первое место в воскресных автогонках.

– Ну, – отозвался Джек, – французы ездят еще более лихо. Они всегда несутся так, словно спешат забрать свои деньги из банка, который вот-вот разорится. Как-то раз я спросил одного француза, почему они всегда мчатся так быстро. Подумав, он ответил: «Мы проиграли войну».

Делани улыбнулся:

– Ты, видно, стал знатоком французов.

– Французы – непостижимая нация. Ну, Морис, говори – куда мы едем?

– Если ты способен лить слезы, готовься к этому, – сказал Делани. – Скоро увидишь.

Он замурлыкал себе под нос, загадочно улыбаясь. Это была какая-то известная старая песенка, но Делани так безбожно искажал мотив, что Джек не узнавал ее; однако он чувствовал, что она ему знакома и что Делани вспомнил о ней неспроста.

Автомобиль остановился перед кинотеатром.

– Приехали. – Делани вышел из «фиата» и придержал дверцу для Джека. – Я надеюсь, ты потерпишь еще немного без еды.

Морис не спускал глаз с Джека, увидевшего перед собой афишу фильма «Украденная полночь»; это была старая лента Делани. В списке актеров на плакате первым значился Джеймс Роял. У входа висела увеличенная фотография Джека, сделанная лет двадцать назад, еще до ранения, которое испортило ему лицо. Джек уже не помнил себя таким красивым.

– Это еще зачем? – удивился он.

– Я думал, тебе будет интересно, – невинно произнес Делани.

– А я в этом не уверен.

Теперь Джек догадался, что за мелодию напевал Делани в машине. Это была довоенная песенка «Провожая домой мою крошку»; она исполнялась несколько раз в течение фильма, ее мелодию использовал композитор, сочинявший музыку для картины, в качестве лейтмотива, на фоне которого проходили ключевые сцены.

– Об этом позаботился рекламный отдел, – сообщил Морис. – Пусть публика увидит, что создал в молодости знаменитый режиссер, ныне работающий в Риме.

– Ты сам еще не смотрел? – Джек не отрывал взгляда от блестящей, ярко освещенной фотографии.

– Нет, – ответил Делани. – Я решил, что сидеть рядом с тобой во время сеанса – мой долг друга.

- Долг друга, – повторил Джек. – Когда ты видел фильм последний раз?
- Лет десять – пятнадцать тому назад. – Делани взглянул на часы. – Черт с ним. Этот мерзавец опять опаздывает. Не будем его ждать. Он отыщет нас после сеанса.
- Ты это о ком? – спросил Джек, следуя за Делани к кассе.
- Об одном французском журналисте, который пишет обо мне статью для парижской газеты.

Делани протянул в окошечко деньги. Он обращался с итальянскими купюрами так, словно они обжигали ему руки.

- Он назвал себя твоим другом. Его зовут Жан-Батист Деспьер.
- Да, он – мой друг, – радостно подтвердил Джек.

Он познакомился с Деспьером лет десять – двенадцать назад; когда Деспьер возвращался в Париж из своих странствий, они всегда играли в теннис. Джек знал, что присутствие Деспьера в Риме сделает эти две недели гораздо более приятными. Когда в 1949 году Джек впервые приехал в Рим, Деспьер повез его вечером на фиакре смотреть залитый лунным светом Колизей в обществе двух хорошеньких девятнадцатилетних американок; журналист заявил, что каждый человек в свой первый римский вечер должен посмотреть залитый лунным светом Колизей в обществе двух хорошеньких девятнадцатилетних американок.

- Веселый малый, правда? – сказал Делани, заходя в кинотеатр.
- Иногда. – Джек помнил случаи, когда это определение не подходило к Деспьеру.
- Скажи ему, – хрипло прошептал Делани, под грохот хроники следуя за женщиной, рассказывающей зрителей по местам, – что в Соединенных Штатах журналисты более пунктуальны.

Они сели недалеко от экрана, поскольку Делани страдал близорукостью. Морис надел очки с толстыми стеклами в металлической оправе, которые он, будучи тщеславным, носил лишь в случае крайней необходимости. За кадром звучал возбужденный итальянский голос, киножурнал представлял обычную смесь из стихийных бедствий, демонстраций, выступлений политических деятелей – раненые арабы, окруженные в Алжире французскими войсками, уступили место волнениям в северной Италии, английская королева наносила кому-то визит, люди в форме осматривали обломки потерпевшего крушение самолета. Пока шла хроника, Делани недовольно фыркал. Во рту у него была жевательная резинка; по громкости чавканья Джек мог судить о степени отвращения, которое вызывали у Мориса мелькавшие на экране люди и события.

- Замечательная прелюдия к произведению искусства, – громко заметил Делани, когда хроника закончилась. – Кровь и лица политиков. Попробовали бы так поступить в «Карнеги-Холл». Показали бы человека, висящего на дыбе, затем предоставили бы слово сенатору с Миссисипи, озабоченному загрязнением прибрежных вод, а потом начали бы исполнять Седьмую симфонию. А в кинотеатре все можно...

Делани возмущенно затряс головой, защищая искусство, которому отдал тридцать лет жизни.

Зазвучали фанфары, и на экране появилось название фильма. Увидев свой актерский псевдоним, Джек испытал тщеславное, горделивое чувство, которое охватывало его в молодости, когда он замечал где-либо это пустое, лживое, широко разрекламированное имя, почти забытое им с той поры, когда оно светилось неонов над кинотеатрами во многих городах Америки.

Псевдоним был придуман хозяином голливудской студии; сначала Джек играл на театральной сцене под своим настоящим именем.

- Джон Эндрюс, – произнес, покачивая головой, Катцер, хозяин студии. – Не годится. Не обижайтесь, но это звучит не по-американски.
- Мои предки обосновались здесь в 1848 году, – сообщил Джек.

– Никто не подвергает сомнению сей факт. Это чисто профессиональный вопрос: важно, как смотрится имя на афише, как оно воспринимается на слух. Мы в таких делах собаку съели, мистер Эндрюс, положитесь на нас.

– Я полагаюсь на вас, – с едва заметной улыбкой сказал Джек.

Он был молод и беден; предвкушение славы волновало его, к тому же Катцер мог помочь Джеку разбогатеть.

– Сейчас мне ничего не приходит в голову. Загляните завтра... – Катцер посмотрел в настольный календарь, где отмечал время деловых встреч. – В четверть одиннадцатого я сообщу вам новое имя.

Утром следующего дня, в десять часов пятнадцать минут, Джек превратился в Джеймса Рояла. Псевдоним не понравился ему своей безликостью, Джек так и не привык к нему, но Катцер сдержал обещание. Псевдоним Джека вспыхнул неонем во всех крупных городах, появился на рекламных щитах, установленных на важнейших автомагистралях страны. Не обманул Катцер и насчет денег. За несколько лет Джек заработал такую сумму, о которой прежде и не мечтал. Он не менял свою фамилию официально и, вступая в армию добровольцем, с облегчением назвал себя Джоном Эндрюсом, испытывая при этом такое чувство, словно возвращался к себе домой.

Перед глазами Джека поплыли полузабытые имена актеров, а также членов съемочной группы: Уолтер Башелл, Отис Кэррингтон, Женеьев Карр, Хэрри Дэвис, Чарлз Макнайт, Лоренс Майерс, Фредерик Свифт, Карлотта Ли, Борис Айленски – последняя фамилия была не очень-то американской, но она принадлежала не актеру, а композитору. Кто-то из них уже умер, другие обрели известность, третьи остались в тени. Присутствовала в этом списке и бывшая жена Джека. Если бы Джек находился здесь один, он непременно поднялся бы и покинул кинозал, но бросив взгляд на развалившегося в соседнем кресле Делани, который равнодушно смотрел на экран сквозь свои очки, громко чавкая жевательной резинкой, Джек подумал: «Если он способен вынести это, то и я не стану спасаться бегством».

Затем начался фильм, и Джек больше не следил за Делани.

Это была история юноши, влюбившегося в зрелую женщину, хозяйку книжного магазина. В третьей части фильма, уже после украденной полночи, давшей название картине, после стыдливо ушедшей в «затемнение» сцены в подсобном помещении магазина их «грех» перестает быть тайной для окружающих, и тут вспыхивает скандал; женщина подвергается травле; паренек совершает преступление, чтобы раздобыть денег и помочь своей возлюбленной остаться в городе; затем он предстает перед добрым и мудрым судьей, который вправляет ему мозги, объясняя, в чем заключается его истинный долг. За мучительным расставанием героев следует стандартный финал: юноша возвращается к чистой, неиспорченной девушке, все это время хранившей верность своему избраннику.

Банальность сюжета не повлияла на восприятие Джека. Картина захватила его не потому, что он увидел на экране самого себя в возрасте двадцати двух лет (паренек этот казался Джеку таким же далеким и незнакомым, как и другие занятые в фильме актеры), и не потому, что он вновь увидел одетую в наряды ушедшей эпохи красивую женщину, свою бывшую жену, которую сначала любил, потом ненавидел, а благодаря изяществу, точности, достоверности, вносимых Делани в каждую, даже глупейшую сцену, будь то тонкий, идеально выверенный эпизод свидания или сентиментальные сцены, которыми режиссер отдавал дань требованиям кинорынка. Динамичное действие захватывало зрителя, он становился соучастником событий; даже теперь Джек понимал, почему фильм имел такой успех, длительное время не сходил с экранов во всем мире и не устарел сейчас, а сам он усилиями Делани стал кинозвездой.

Глядя на себя, Джек поражался тому, как хорошо он играл. Он был немного староват для этой роли (его герою исполнилось девятнадцать, он только что окончил школу), но ему удалось воссоздать сложный, мучительный процесс превращения юноши в молодого человека. Он был

смешон и жалок, когда это требовалось по сценарию, казалось, постоянно заглядывал внутрь себя и одновременно бежал от себя, создавая точный, живой образ.

Джек даже удивился, увидев, что тогда ему удалось подняться до такого уровня. Потом он столь же удачно сыграл у Делани еще две роли, но работу над ними вытеснило из памяти гораздо менее плодотворное сотрудничество с другими режиссерами. «Украденная полночь» была лучшей картиной Делани, созданной им в период расцвета его творческих сил, когда он верил в себя и безжалостно презирал все в мире, кроме собственного таланта; тогда Делани еще не начал повторяться, а многочисленные разводы, большие деньги, интервью и тяжбы с налоговым управлением еще не отвлекали его от творчества.

К началу кульминационного эпизода, когда юноша появлялся из вечерней мглы на перроне вокзала, мрачном и малолюдном из-за непрекращающегося дождя, чтобы посадить на поезд любимую женщину, навсегда уходящую из его жизни, Джек уже забыл о том, что находится в чужом городе, на расстоянии пяти тысяч миль и двадцати лет жизни от погребенной в его сознании девственной Америки – провинциальных вокзалов, гудков, звучащих над распахнутыми вокруг ферм полями, столовых с освещенными окнами, темнокожих носильщиков, потрепанных такси, водители которых, покуривая в темноте сигареты, низкими, хриплыми голосами треплются о бейсболе, женщинах и тяготах Депрессии.

Попав в плен грустной истории, которая воспроизводилась на экране с исцарапанной старой ленты, дававшей ненадежный звук, Джек следил за любовниками, медленно бредущими по платформе, то исчезающими во тьме, то снова попадающими под свет фонарей; прислушиваясь к обрывочным прощальным фразам, он забывал о том, что видел перед собой всего лишь собственную актерскую работу, и о том, что женщина, которая в эти последние горькие минуты неуверенно шагала по платформе, была когда-то его неверной женой. К нему на какой-то миг вернулись молодость и ощущение тяжелой утраты, он вновь испытал сильное физическое влечение к этой живой и цветущей женщине, то исчезающей в темноте, то снова выходящей из нее, влечение, которое он считал навеки убитым предательством, ссорами, бракоразводным процессом.

Когда в зале стало светло, Джек не шелохнулся. Потом тряхнул головой, пытаясь прогнать воспоминания. Он повернулся к Делани, который сидел, прижав ладони к вискам. Вид у режиссера был горестный, безутешный, как у опытного кетчера, пропустившего легкий мяч.

– Морис, – искренне, с нежностью и любовью произнес Джек, – ты – великий человек.

Делани не двигался, он словно не слышал Джека. Затем снял свои массивные очки в металлической оправе и уставился на этот символ уязвленного самолюбия, поправленного тщеславия.

– Я был великим человеком, – глухо сказал он. – Пойдем отсюда.

Деспьер ждал их на тротуаре возле кинотеатра. Заметив Джека и Делани среди последних выходящих из зала зрителей, он поспешил к ним; лицо его светилось радостью.

– Я видел, Maestro. Это великолепно. Я чуть не пустил слезу.

Он обнял Делани и расцеловал его в обе щеки. Иногда Деспьер забавлялся тем, что вел себя как типичный француз из театральной комедии. Трое мужчин привлекли внимание компании, только что покинувшей зал.

– Готова поспорить, это он, – услышал Джек голос девушки.

– Ты обязан рассказать мне, что испытывал, следя за тем, как один восхитительный эпизод сменяется другим, – сказал Деспьер.

– Ничего я тебе не скажу. – Делани вырвался из объятий Деспьера. – Не желаю об этом говорить. Я проголодался.

Он поискал глазами такси.

– Делани, – произнес Деспьер, – ты должен научиться быть более любезным со своими поклонниками из пишущей братии.

Повернувшись к Джеку, он с нежностью взял его за руки.

– Maestro, я и не подозревал, что ты был так красив в молодости. Девушки, верно, просто сходили с ума.

Помимо французского, Деспьер владел итальянским, английским, немецким и испанским; встречаясь с Джеком в Италии, он отдавал дань местной традиции и называл его Dottore. Во Франции вместо Dottore он говорил Monsieur le Ministre, подсмеиваясь над дипломатическим статусом Джека.

– Неужели тебя там не переполняла гордость? – Деспьер указал рукой на кинотеатр.

– Переполняла, – согласился Джек.

– Тебе не хочется об этом говорить? – удивился Деспьер.

– Да, не хочется.

– Надо же. На твоём месте я расхаживал бы по Риму с плакатами на спине и груди: «Я – тот самый Джеймс Роял».

Деспьер был подвижен и худощав; костюм с ватными плечами, сшитый в Риме, висел на его угловатой фигуре. Крупные серые глаза блеснули на болезненно-желтом, но всегда оживленном лице француза. У него был узкий насмешливый рот и короткие черные волосы, зачесанные назад по моде, родившейся в ресторанчиках Сен-Жермен-де-Пре. Определить его возраст казалось делом сложным. Джек познакомился с ним более десяти лет назад; за это время Деспьер почти не изменился. Джек догадывался, что Деспьеру около сорока лет. Он долгое время жил в Америке, и хотя Жан-Батист говорил с явно французским акцентом, его речь изобиловала американским сленгом, употребляемым всегда к месту. В годы войны он служил во французских ВВС, перед капитуляцией бежал в Англию, был штурманом в эскадрилье «Галифакс», воевавшей в России. На Запад он вернулся с больным желудком и с тех пор везде искал лекарство от язвы, не требующее отказа от алкоголя. Деспьер был преуспевающим журналистом и работал в одном из лучших французских журналов, но не вылезал из долгов – отчасти из-за присущего ему небрежного отношения к деньгам, отчасти из-за длительных периодов, когда ничего не писал. Деспьер знал, где находится сейчас тот или иной политический деятель, где расположены лучшие рестораны любого города; знал он и самых известных фотомоделей. Он везде был желанным гостем, его снабжали секретной информацией министры, высшие чиновники и кинозвезды, а он расплачивался своим остроумием и кипучей энергией. У него было на удивление много врагов.

Они сели в такси. Делани не спросил, где они хотят пообедать; он лишь пробурчал название ресторана и забился в угол. Всю дорогу он молчал, не слушая Джека и Деспьера.

– Хаос начинается наверху, – произнес Деспьер, сидя за столиком в тихом зале. – В большом казенном доме с аллегорическими фигурами Разума и Правосудия. Где еще вы отыщете глупца, которому может прийти в голову напасть на Египет, не располагая запасом нефти?

Он торжествующе усмехнулся.

– Уже на второй день после начала боевых действий пришлось сократить потребление бензина. Надо же умудриться выбрать такое безмозглое правительство! Подобного головотяпства не допустил бы и Людовик Шестнадцатый, самый бездарный из французских королей.

Деспьер пожал плечами.

– Вы даже не представляете, – продолжал он, – какое удовольствие – сидеть в ресторане, не боясь, что кто-нибудь швырнет в зал бомбу.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Делани.

Подавленный и неразговорчивый, он потягивал вино и, рассеянно роняя на скатерть хлебные крошки, ковырял лежащие на тарелке pasta¹¹.

¹¹ макароны (ит.).

– За последние пять лет, – заметил Деспьер, с аппетитом поглощая пищу, – я побывал на Кипре, в Корее, Индокитае, Марокко, Алжире, Тунисе, Израиле, Египте. Я – врач «скорой помощи». Мчусь туда, где несчастье.

– Когда-нибудь тебя убьют, – сказал Делани.

– Maestro, – отозвался Деспьер, – твой шарм заключается в безжалостности.

Он слегка улыбнулся, обнажив здоровые, крупные, слегка пожелтевшие от никотина зубы.

– Шесть месяцев назад в Филиппвилле во время показа мод три араба открыли огонь из автоматов по манекенщицам. – Деспьер налил себе вина в бокал. – Восемь прелестных девушек демонстрировали последние парижские модели. Вот как нынче несут народам свободу.

– Какого черта они отправились в Филиппвилл? – спросил Делани.

– Это было послание Парижа, адресованное нашим заморским владениям, – сказал Деспьер. – Одежда на все случаи жизни. Для раута, осады, митинга, парада, приема... Арабы промчались в открытом такси мимо входа в отель и исчезли. Представьте, какую душу надо иметь, чтобы стрелять по красивейшим девушкам.

– Они попали в кого-нибудь из них?

– Нет. Зато убили шестерых людей, сидевших в соседнем кафе.

– Ты присутствовал при этом? – спросил Делани.

– Да. Я лежал на полу возле столика, – с улыбкой поведал Деспьер. – Я научился быстро бросаться на пол и не удивился бы, узнав, что мне принадлежит мировой рекорд в этом виде спорта. Я также находился в Касабланке, когда толпа облила двух чем-то не угодивших ей мужчин бензином и подожгла их. Мне платят большие деньги за умение оказываться в том самом месте, где современная цивилизация выражает себя наиболее типично.

Подняв бокал, он принялся критически разглядывать его.

– Люблю итальянское вино. Оно такое простое. Натуральное. Не пытается казаться бархатным в отличие от французского. А еще я люблю краски Италии. Когда однажды летом я впервые увидел, какого цвета римские здания, я понял, что мечтал попасть в этот город всю жизнь, хотя тогда мне было всего семнадцать лет. Я влюбился в этот город с первого взгляда. Мы с отцом въехали в Рим через Фламиниевы ворота и оказались на пьяцца дель Пополо. На площади находились сотни людей. Мой отец остановил машину и повел меня в кафе. За кассовым аппаратом сидела самая хорошенькая девушка в мире. Немедленно влюбившись в эту девушку, я сказал себе: «Как замечательно жить здесь, в окружении итальянцев. Я буду до самой смерти приходить сюда и пить тут кофе. Я нашел свой город». Есть города, которые твоя душа принимает мгновенно. Я прав, Dottore?

Он повернулся к Джеку.

– Да, – согласился Джек, вспомнив свой первый приезд в Париж; город покорила Джека, и в конце концов, спустя много лет, он избрал его своим местом жительства.

– Есть люди, – согласился Деспьер, – которые могут жить полноценно лишь в столицах чужих стран. Я – один из них. Подозреваю, что и ты, Dottore, тоже. Мы – счастливые беглецы.

Он покосился на Делани, настроение которого немного улучшилось за время монолога, произнесенного французом.

– Maestro – человек другого типа. Он – стопроцентный американец. Он постоянно чем-то озабочен и дискомфортно чувствует себя в обществе людей иного склада.

– Чушь, – сказал Делани, однако на лице его появилась улыбка.

– Его реакция весьма характерна, – заметил Деспьер. – Кстати, о городах. Я бы мог быть счастлив в Нью-Йорке. Хотя, на мой взгляд, любой американец, живущий там, уродует свою душу. Нам требуется, – он сделал плавный жест, – смена среды обитания. Город – это университет для подготовленных студентов; полный цикл обучения длится четыре-пять лет. Затем – переезд на новое место и периодические возвращения в старые: это позволит освежать приоб-

ретенные ранее знания, а также встречаться с друзьями. В Париже, – сказал он, усмехаясь, – я постигаю искусство комедии, интриги и камуфляжа, а также обретаю умение мириться с чувством безысходности. В Риме изучаю вина, любовь, архитектуру и атеизм. В старости я поселюсь на ферме возле Фраскати, буду потягивать белое вино и каждый раз, чувствуя приближение смерти, приезжать в этот город, чтобы выпить чашечку кофе на пьяцца дель Пополо...

Он удивленно посмотрел на Джека.

– Что случилось, Dottore?

Джек сидел, склонив голову над тарелкой; он прижимал платок к носу и немного покачивался из стороны в сторону. Платок был в крови.

– Ничего страшного. Увидимся завтра. – Он поднялся и поморгал; глаза его видели плохо. Попытался улыбнуться. – Извините. Пожалуй, мне лучше отправиться в отель.

– Я тебя провожу. – Деспьер вскочил на ноги.

– Не надо. Сам доберусь.

Джека тошнило, он боялся, что его вырвет, и двигался неуверенно. Его лицо покрылось испариной, он не ответил обратившемуся к нему старшему официанту. Выйдя из ресторана, он глубоко вдохнул ночной воздух.

«Я же никогда не боюсь, – испуганно подумал он, – что со мной?» Его охватило предчувствие перемен, холодная волна прокатилась вдоль тела; он испытывал необъяснимую робость, страх. Джек прижался затылком к холодному камню; окружающий мир казался ему прозрачным, нереальным; события, слова и люди представлялись Джеку в виде чисел, над ровными колоннами которых непрерывно совершали операции невидимые, бесшумные счетные машины. «Будь я пьян, – подумал Джек, – тогда можно было бы рассчитывать на то, что к утру этот кошмар отступит». Но он выпил лишь полбокала слабого вина. «Где сейчас ударивший меня человек?» «Arrivederci, Roma». Джек вспомнил насмешливый пьяный голос мужчины. *Когда тонула «Дория».*

Кровь остановилась так же внезапно, как потекла. Прохладный вечерний воздух возвращал Джеку силы. Тошнота и головокружение отступили, остались только усталость и смутный страх; глубоко дыша, он напряг зрение, чтобы убедить себя в том, что сейчас не расстается с любимой на платформе вокзала в дождливый вечер.

Джек зашагал в сторону отеля, принуждая себя переставлять ноги, стараясь не споткнуться о бордюрный камень и не угодить под колеса машины, с трудом решая простейший вопрос – купить ему газету в освещенном киоске или не делать этого.

Он услышал за спиной цокот каблучков, женщина обогнала его. Джек узнал шлюхонемку из бара. Гамбург, вспомнил он, крупные красноватые руки. Он с бесстыдством подумал о том, что могли делать эти руки сегодня вечером. На ногах у женщины были красные туфли. Она шла быстро и казалась Джеку рассерженной; похоже, вечер принес ей разочарование. Еще одно число в столбике.

Он вошел в свой отель. В баре работал радиоприемник: передавали какую-то песню. Джек слышал ее впервые. Ему почудилось, что обувь, стоящая возле дверей на полу длинных темноватых коридоров, – это все, что оставили после себя обитатели номеров, казненные сегодня в час коктейля.

Он прошел мимо двадцати дверей. Из номеров не доносилось ни звука. Людям, замкнувшимся в них, не приходилось менять фамилии, их жизни были цельными; они спали, не разглашая тайны своего местонахождения. Красных женских туфель в коридоре не было. Джек убедился в этом.

Он забыл, в каком номере живет, и несколько секунд простоял в коридоре без движения; ему казалось, что он никогда не сумеет найти свою дверь. Ищи комнату, где в шкафу висит пиджак с пятнами крови. Нет, его чистит горничная.

И тут его осенило. Джек взглянул на ключ, прикрепленный к большой пластмассовой бирке с номером 654. Гордясь своей сообразительностью, он уверенно зашагал по коридору, не задевая стен. Перед номером 654 Джек остановился. Ему казалось, что он здесь впервые, что он очутился перед чужой дверью, на которую повесили его номер, похоже, пока он отсутствовал, тут произошли странные, зловещие перемены. Ночные портье все перепутали. Где находится другая дверь? В каком городе? В Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Лондоне? Номер 654 источал запахи лаврового дерева и эвкалипта, тропиков и целебных трав. Беверли-Хиллз, вспомнил Джек, город Делани, наказание Делани, туман, тянувшийся с океана, поздний вечер, девушка в машине с откидным верхом, на заднем сиденье – непрерывно лающая собака с хищно оскаленными клыками, символами калифорнийской любви.

Он вставил ключ в скважину замка и вошел в комнату – холостяцкую, без следов присутствия детей, пахнущую лавровым деревом и эвкалиптом; он явно никогда здесь не бывал. Отражение светильника на стекле, закрывавшем гравюру с видом Рима, разрезало средневековый город на неупорядоченные фрагменты из кусков каменных стен с бойницами и остроконечными башенками; если бы возводившие их люди воскресли, сейчас они вряд ли узнали бы творения своих рук.

Джек шагнул в ванную комнату, увидел свое лицо сначала в зеркале, висящем над одной раковиной, затем – в зеркале, расположенном над второй раковиной. «Одна – для меня, вторая – для кого-то другого». Он с трудом узнал себя, как зрители, выходившие из кинотеатра. На языке у него крутилась собственная фамилия. «Готова поспорить, это он», – мысленно повторил Джек слова девушки.

Он прошел в спальню и посмотрел на фотографию жены и детей, сделанную в Альпах: они улыбались, стоя на залитом солнечным светом склоне. Сев на кровать, Джек взглянул на телефон; он испытал соблазн поднять трубку и произнести: «Я прилечу домой ближайшим рейсом». Но он не коснулся аппарата.

Раздевшись, он аккуратно повесил свою одежду (те, кто рекламирует чемоданы, не мнущие костюмы, – бессовестные обманщики). Лежа в комнате под простыней, он говорил себе: «Утром все будет хорошо».

Джек вспомнил красные туфли немки и ее красные руки, одинаково умело пересчитывающие лиры и ласкающие чьи-то тела. Потом он заснул.

Глава четвертая

Бык ревет в своем загоне, но президент в черной маске и берберской шляпе выходит на арену и бракует животное. Зрители пытаются облить президента бензином. Почему-то очень важно выманить быка из загона, не позволив ему ступить на арену. Двое слуг, оба во всем белом, по освещенному свечами коридору ведут в загон белую корову. Ей страшно, она упирается. Слуги заставляют ее пройти вперед и предстать перед быком в наиболее соблазнительном ракурсе. Бык продолжает реветь. Белая корова жалобно мычит сначала на одной ноте, потом срывается на другую, более высокую; она мотает головой из стороны в сторону. Избранный по всем правилам президент в черном костюме, ничем не вооруженный, открывает железную дверь, за которой находится бык. Разъяренный зверь с широко расставленными рогами выходит из загона. Пена, бурлящая вода, корабль, терпящий бедствие, гребень волны, стремительный отлив. Первый Слуга, сначала насаженный на рога, затем растоптанный копытами; его облачение потеряло свою белизну.

Снова в царстве животных. Бык разглядывает белую, жалобно мычащую корову. Он делает выбор между убийством и любовью; сблизив четыре копыта, он вонзает рога в белый бок коровы, столь соблазнительный при иных обстоятельствах. Корова падает, она уже не белая. Ее мольбам приходит конец. Бык стоит возле нее, замечтавшись под стеклянным канделябром.

Снова мир людей. Второй Слуга, тоже в белом, бежит по коридору, мимо бокса, где я прячусь за запертой железной дверью возле отвернувшегося от меня человека, чье имя крутится у меня на языке.

Слуга сломя голову несется по насыпанному в коридоре песку; возникающие при этом звуки напоминают те, что издает медная тарелка, когда по ней бьют металлической метелкой. Из глотки Второго Слуги вырывается вопль. Он прячется в соседнем боксе и, тяжело дыша, запирает дверь. Бык трусцой подбегает к двери и смотрит на нее вполне миролюбиво. Затем он вышибает дверь. Из бокса доносится громкий крик. Бык совершает то, к чему его готовили всю жизнь.

Второй Слуга становится безмолвным, как Первый и белая корова.

Бык снова в полутемном коридоре, он припадает к чему-то, стоя у двери, за которой возле отвернувшегося от меня человека скрываюсь я. Затаив дыхание, наблюдаю за тем, что происходит по обе стороны от запертой двери. Мой сосед по-прежнему неподвижен. Бык решает, что обувь, выставленная у бокса, не представляет интереса. Но мой сосед, похоже, исчерпал лимит молчания и неподвижности. Шевельнувшись, он вздыхает, издает какое-то бульканье, затем стон. Я в ярости тыкаю его пальцем в бок между четвертым и пятым ребрами. Бык возвращается к двери, почуяв близость людей. Он испытывает прочность двери, которая дрожит, но не поддается. Бык снова и снова бьет ее рогами, летят искры, темп ударов нарастает, грохот становится непереносимым. Я прижимаюсь к железной двери; та дрожит при каждом ударе. Незнакомец сидит на соломе спиной ко мне.

Дверь не поддается.

Бык отступает, обдумывая свой следующий шаг.

Затем он начинает прыгать вверх, словно лев; с каждым следующим прыжком его копыта взлетают все выше и выше, наконец ему удается перекинуть их через верхнюю кромку двери. Он виснет, заполнив собой просвет между дверью и крышей. Потом смотрит на меня и на моего соседа, который разглядывает заднюю стену бокса.

Бык задумчиво наблюдает за нами своими добрыми печальными глазами; я понимаю, что сейчас его надо ошарашить, сбить с толку песней, танцем или смехом. Я выхожу на середину бокса, как на сцену; бык заплатил за свое место и заслуживает отменного зрелища.

Я начинаю петь и плясать: отбиваю чечетку, делаю антраша, исполняю танец маленьких лебедей; пот заливает глаза, я имитирую голосом барабан, скрипку, французский рожок, треугольник. Бык, словно зритель, сидящий на балконе в первом ряду, смотрит с интересом, завороженно, его рога касаются потолка, передние копыта перекинуты через верхнюю кромку двери.

Трижды спев «Провожая домой мою крошку», я чувствую, что мой сосед повернулся у меня за спиной, он больше не прячет своего лица. Я хочу увидеть его, сказать ему: «Друг, нельзя отворачиваться, когда приходит смерть» – и на мгновение отвожусь взгляд от спокойных, внимательных глаз быка, чтобы посмотреть на лицо незнакомца. И тут бык делает движение, дверь грохочет...

Вот что снится ночью в Риме.

Джек проснулся. В комнате было тихо, темно. Мягко шелестели шторы, раскачиваемые слабым ветерком.

Он лежал под простыней, ускользнув от гибели, весь в холодном поту. Джеку казалось, что если бы он проснулся чуть позже, то увидел бы лицо своего соседа, и оно оказалось бы лицом того пьяного, который ударил его. Этот человек спал сейчас где-то в Риме; он, вероятно, улыбался во сне, гордясь своим поступком.

«Почему быки? – подумал Джек. – Я три года не был в Испании».

Он сел в кровати, включил свет, посмотрел на часы, стоящие на столе. Они показывали четыре часа пятнадцать минут. Джек потянулся за сигаретой, закурил. Он редко курил и уж, во всяком случае, много лет не курил посреди ночи, но сейчас ему требовалось чем-то занять руки. Зажигая спичку, он удивился – они не дрожали.

Думая о своем сне, Джек опустил босые ноги на коврик; смерть еще бродила где-то рядом. «На этот раз я вырвался из ее объятий. В следующий раз она не отпустит меня».

Рогатый лев, вспомнил он, белая корова.

Смерть проникла в комнату. Не очень-то приятно быть в ее обществе, когда на часах четыре пятнадцать, а ты один в номере; сигарета – неважное средство защиты. Он взглянул на телефон. Не позвонить ли в Париж жене? Но что он ей скажет? «Мне снился страшный сон. Мама, мама! Лежа в римской колыбельке, я видел страшный сон; следующий раз рога вонзятся в меня».

Джек представил себе удивление итальянских телефонисток, высокий раздраженный голос парижского оператора, тревожный, прерывистый звонок, раздающийся в квартире на набережной, свою жену, поднимающуюся с кровати и бегущую в холл, где стоит аппарат; она испугана, в окнах едва брезжит рассвет. Он раздумал звонить.

Джек посмотрел на смятую постель. Нет, уснуть не удастся.

Уолтер Башелл, вспомнил он, Кэррингтон, Карр, Макнайт, Майерс, Дэвис, Свифт, Айленски, Карлотта Ли. Фильм заставил его вспомнить много забытых имен; он слышал голоса, видел людей, которые умерли, достигли вершин славы, потерпели неудачу, исчезли из виду.

Ночной Караульный с исцарапанной звуковой дорожки шепотом зачитывает поименный список.

Убитые, пропавшие без вести, раненые, годные к службе – все в форме, при орденах и медалях. Одна звездочка с полоской, целлулоидный крест, учтенный чек, значок десантника, железный венок. Первый Корпус Эндрюса (или Второй? а может, Третий? или даже Девятый?), иногда называемый Королевской Пехотой, оставшиеся в живых участники переправы у Лос-Анджелеса, стоящие в шеренге на плацу.

Тут все пропавшие без вести.

Прежде – герои, те, кто достиг Вершины...

Кэррингтон, в черном костюме, при черном галстуке, умудренный жизненным опытом, похожий на судью. Несколько лет назад умер в Берлине во время съемок (как сообщали газеты, студии его кончина обошлась в восемнадцать незапланированных съемочных дней и 750 000 долларов). Высокий, велеречивый, представительный седовласый человек с лицом римлянина, любимец женщин, всю жизнь боровшийся со страстью к спиртному, любовник самых знаменитых красавиц; он умер в гостиничном номере на руках монтажницы, произнеся перед смертью имя девушки, которую любил, когда ему было двадцать лет.

Макнайт, маленький ипохондрик, оживавший в гостиницах и бассейнах. Погиб в годы войны под гусеницами вражеского танка. Когда снималась «Украденная полночь», ему давали эпизодические роли; он пытался подражать Кэри Гранту, на которого был немного похож. «У меня комедийный дар, – твердил Макнайт; он повторял это, настаивал, умолял. – В двадцатые годы, когда люди умели смеяться, я был бы великим актером». Для звезды он не вышел ростом; однажды, во время съемок вестерна в «Юниверсал», он упал с лошади и едва не умер. Но судьба хранила не вовремя родившегося комедийного актера для гусениц танка.

Лоренс Майерс тоже умер. Бледный, заросший, с куполообразным черепом и дрожащими, как у восьмидесятилетнего старика, руками. Он отчаянно боролся с Делани, который внес изменения едва ли не в каждую строку написанного Майерсом сценария. Лоренс был женат на патологически ревнивой женщине; однажды, когда он не успел вернуться домой к семи часам вечера, она отрезала ножом рукава мужского костюма. У худого, изможденного Майерса был туберкулез. Он вечно проматывал все свои деньги; умер Майерс в возрасте тридцати трех лет, поднявшись с больничной койки, чтобы пойти на обсуждение сценария музыкальной комедии в «Метро-Голдвин-Майер».

Это были умершие, точнее, те, о чьей смерти Джек знал; те, кого он помнил; сюда не входили рабочие, секретарши, монтажеры, рекламные агенты, охранники, машинистки, официантки студийных кафе; когда снимался фильм, все они были бодрые, энергичные, строили планы на будущее; с помощью таблиц для расчета ожидаемых потерь Джеку не составило бы труда определить процент умерших за истекшие годы.

Но кое-кто остался в живых...

В этом списке первой идет Карлотта...

«Нет уж, к этому я возвращаться не стану», – подумал Джек, сидя на кровати с сигаретой во рту. Стремительно, как человек, сумевший обрести цель, Джек поднялся и, накинув на плечи одеяло, пошел босиком прочь из спальни, подальше от сновидений, незваных призраков. Включив в гостиной люстру, настольные лампы и бра, он взял розовую папку со сценарием, оставленную Делани.

Джек удобно устроился на диване, слегка поеживаясь под одеялом, и раскрыл папку.

Наплыв после титров.

Четырехмоторный самолет приземляется в римском аэропорту Чампино. Недавно прошел дождь, взлетно-посадочная полоса еще не просохла.

Авиалайнер подруливает к месту остановки, рабочие подгоняют трап.

Дверь самолета открывается, и из него начинают выходить пассажиры. Среди них – Роберт Джонсон.

Он шагает чуть в стороне от основной группы. Он словно кого-то высматривает. Он приближается к камере, и становится видно, что Джонсон – мужчина лет тридцати пяти, очень красивый, у него умные, проницательные глаза.

Джек вздохнул, читая банальное начало; он снова, преодолевая боль, вернулся мыслями к кошмару, попытался разобраться в его символике. Бык, несущий смерть, мгновенно умиротворяемый песней и танцем; клоунские выходки заставляют его забыть о зловещих намерениях.

Что это? Публика? Иррациональная, безжалостная, жестокая и послушная, пока ее забавляют плясками, шутовством, пением. Джек помнил свои ощущения перед премьерой, страх, который он испытывал, сидя среди зрителей на просмотрах фильмов с его участием; рот пересыхал, на коже появлялась испарина, в локтях и коленях покалывало. Может, его сон объяснялся тем, что хоть и на две недели, но он все же возвращался в свой прежний мир анонимным голосом, звучащим с экрана?

А кто этот отвернувшийся человек, парализованный страхом враг, которому грозит та же опасность, что и мне? А когда ты поворачиваешься, чтобы увидеть наконец его лицо, лицо страха, в момент узнавания дверь не выдерживает...

Джек устало тряхнул головой. «Завтра куплю сонник, – подумал он, подсмеиваясь над самим собой. – Написанный на итальянском языке. Я прочту в нем, что мне не следует путешествовать по воде, воздуху или суше, или узнаю о том, что мой дядюшка, о котором я никогда не слышал, собирается умереть в Аргентине и оставить мне большое ранчо.

А может, это предостережение, совет убраться отсюда побыстрее, плюнуть на пять тысяч долларов, бежать от Делани, от своей молодости, не ворошить канувшее в Лету? Может, все так просто?»

Но Джек добросовестно продолжил чтение, испытывая жалость ко всем живым существам, включая самого себя, ищущих в этом невеселом деле славы, денег, забвения или развлечения. Добравшись до последней страницы, он бросил рукопись на пол и встал, чувствуя себя разбитым. Джек подошел к окну. Распахнул его и без радости увидел холодный зеленоватый рассвет, забрезживший над узкими улицами Рима. Господи, подумал он, измученный воспоминаниями и предчувствиями, скорей бы закончились эти две недели.

Глава пятая

Делани, Джек и секретарь режиссера смотрели фильм в небольшом затемненном зале. Делани заехал за Джеком в семь тридцать утра. Пристально, с беспокойством всматриваясь в покрасневшие глаза Джека, Морис поинтересовался его физическим состоянием; Джек солгал, что чувствует себя хорошо.

– Отлично. – Делани довольно хмыкнул. – Мы можем приступить к работе.

Поскольку режиссер хотел скрыть свои намерения от Стайлза, актера, чей голос дублировал Джек, они отправились не на ту студию, где снимался фильм, а на другую. Делани нацепил темные очки и опустил кепку на глаза, желая остаться неузнаваемым, но все проходившие мимо него люди говорили ему: «Buongiorno, Signor Delaney»¹². Он не представил Джека никому, даже своей секретарше – стройной женщине средних лет, сидевшей в зале позади мужчин.

Когда на экране замелькали эпизоды картины, Джек увидел, что, несмотря на вчерашние жалобы, Морис получает удовольствие, глядя на отснятый материал. Он издавал возгласы одобрения, три раза из его горла вырывался короткий отрывистый смех, во время кульминационных моментов двух сцен Делани принимался полубессознательно кивать головой. Лишь когда Делани видел на экране Стайлза, страдания режиссера становились заметными. Он начинал ерзать в кресле, хмурил брови, опускал голову, словно защищая глаза от удара.

– Сукин сын, – бормотал Делани, – пьянь несчастная.

Джеку фильм показался не намного лучше сценария. Местами встречались режиссерские находки, кое-где великолепно играли актеры, особенно Барзелли, исполнительница главной роли, но общее впечатление было тягостным, фильм казался безжизненным; возникало гнетущее ощущение, что всем участникам съемки успели надоесть бесчисленные дубли. Стайлз, как и говорил Делани, выглядел неплохо, но его язык, если он не заплетался после попойки, был деревянным, скованным; он убивал те скудные чувства и мысли, что присутствовали в сценарии.

– Проклятые итальянцы, – сказал Делани. – Обрадовались выгодной сделке. Получили Стайлза за половину его прежнего гонорара и, даже не выяснив, почему он согласился, подмахнули контракт. Лучше бы он не раскрывал рта! – вырвалось у Делани, когда Стайлз говорил девушке, что он любит ее, но считает, что ей следует расстаться с ним.

Просмотр закончился внезапно, на середине эпизода. Зажегся свет, и Делани повернулся к Джеку:

– Ну, что скажешь?

– Мне понятно, почему ты хочешь дублировать голос Стайлза.

– Сукин сын, – почти машинально сказал Делани. – Для него и цирроз печени – слишком слабое наказание. Как все остальное?

– Ну... – неуверенно начал Джек.

Он не знал, насколько искренним мог быть с Делани после более чем десятилетнего перерыва в дружбе. В прежние времена Делани любую свою работу выносил на суд Джека, используя друга как критика. Тем самым Джек оказывал неоценимую услугу Делани, окруженному корыстными льстецами. Он был по-юношески бескомпромиссен, его вкус отличался строгостью, он мгновенно распознавал фальшь и претенциозность; Делани иногда называл безжалостного в своем прямодушии Джека высокомерным отроком, но прислушивался к его замечаниям и чаще всего переделывал забракованный другой материал. Делани оказывал аналогичную помощь Джеку, не щадя его в тех случаях, когда чувствовал, что Джек не реализует

¹² Добрый день, синьор Делани (*ит.*).

свои возможности до конца. За три года они сделали три картины; их свободное и плодотворное сотрудничество не было закреплено юридически. Эти фильмы неизменно оказывались в числе лучших, они создали вокруг имени Делани легенду, и отчасти он до сих пор эксплуатировал ее. Морису в дальнейшем не удавалось приблизиться к тому уровню. У них с Джеком была в ходу язвительная фраза, с помощью которой они выражали неодобрение своей или чужой продукции, когда улавливали в ней слащавость, фальшь или псевдоглубину – пороки, охотно прощавшиеся в коммерциализированном Голливуде тех дней. «Это ужасно оригинально», – говорили они, произнося слова с подчеркнутой медлительностью. Крайнюю степень презрения они выражали так: «Это ужасно, ужасно оригинально, мой дорогой...»

Теперь, когда Джек увидел продемонстрированный Делани фильм, ему захотелось произнести: «Это ужасно, ужасно оригинально, мой дорогой...» Но вспомнив ту неуверенность, что звучала вчера в голосе Делани, когда они ехали в машине, ту отчаянную мольбу о помощи, что скрывалась за словами режиссера, Джек решил не спешить с серьезной критикой.

– Сценарий слабый, – начал он.

– Не то слово! – со злостью произнес Делани. – Ты абсолютно прав.

– Кто автор? – спросил Джек.

– Шугерман. – Делани выплюнул эту фамилию так, словно она жгла ему язык!

– Удивительно.

Шугерман написал за последние пятнадцать лет не то три, не то четыре пьесы, но в материале, прочитанном Джеком ночью, не осталось и следа того таланта, печатью которого были отмечены прежние работы драматурга.

– Этот негодяй прилетел сюда на три месяца, – обвиняющим тоном продолжал Делани, – и принялся шататься по музеям и кафе в обществе вечно пьяных немых художников и писателей, которыми кишит город, заявляя всем и каждому, что я – тупой сукин сын, хотя сам не сочинил ни единой сцены, которую я мог бы отснять без доработки, и в результате я переписал заново весь сценарий. Драматурги! Старая история. Вот что такое Шугерман.

– Понимаю, – сухо произнес Джек.

После памятного первого успеха Делани воевал со всеми своими сценаристами и в конце концов переделывал рукописи. Он заслужил в Голливуде репутацию режиссера, которого губила тяга к литературной работе; продюсеры, хотевшие нанять Мориса, говорили его агенту: «Я бы взял его, если бы мне удалось вырвать из рук Делани перо». Пока что сделать это не удалось никому.

– Материал пока сырой. – Делани указал рукой на экран. – Но я его доведу. Если итальянцы не угробят меня прежде. – Он поднялся. – Джек, останься тут и посмотри ленту еще пару раз, чтобы лучше познакомиться с ней. Может быть, тебе стоит днем перечитать сценарий. А завтра, в семь тридцать, начнем дублирование.

– Хорошо.

– Я организовал для тебя встречу с Деспьером, – сказал Делани, надевая темные очки. – В кафе «Дони». В десять минут первого. Он хочет получить от тебя информацию для своей статьи. О моих былых победах. – Делани натянуто улыбнулся: – Будь другом, соври ему немного.

– Не бойся. Я скажу, что ты – Станиславский и Микеланджело в одном лице.

Делани засмеялся и похлопал Джека по плечу:

– Гвидо будет ждать тебя в автомобиле. К восьми вечера ты приглашен на коктейль. Водитель знает адрес. Чем еще могу быть полезен?

– Спасибо, пока ничем.

Делани снова дружески, покровительственно похлопал Джека по плечу.

– Тогда встретимся в восемь. Идемте, Хильда, – обратился он к секретарше. Некрасивая женщина в поношенном платье покорно встала и вслед за Делани вышла из комнаты.

Джек глубоко вздохнул, с отвращением посмотрел на экран, завидуя Шугерману, который три месяца провел в музеях и кафе, вдали от Америки. Затем он нажал кнопку, в зале стало темно, и перед ним снова поплыли неубедительные сцены, не дотягивавшие до трагедийного звучания.

Глядя на человека, чей голос ему предстояло дублировать, Джек с улыбкой подумал о свидании с Деспьером, которое устроил ему Делани. Пригласить Джека в Рим режиссера заставило вовсе не стремление улучшить фильм или оказать услугу старому другу, хотя и эти мотивы присутствовали. Джек был для Делани верным другом, помнившим его лучшие дни; Морис хотел, чтобы они нашли отражение в статье Деспьера. Делани, умевший казаться прямодушным, на самом деле всегда был хитрецом. За истекшие годы он, конечно, не изменился. Он ловко манипулировал людьми, преследуя собственные цели и ни в чем не полагаясь на волю случая. Но разгадав уловку Делани и поняв, что Морис был вынужден прибегнуть к ней, Джек испытал к Морису одну лишь жалость. Когда они только познакомились, любой газетчик мог написать о Делани, что режиссер насилует мальчиков из церковного хора – Морис и пальцем бы не пошевелил, чтобы заставить журналиста выбросить из статьи хоть строчку. Годы, неудачи...

Пять тысяч долларов, подумал Джек, глядя на красивое и пустое лицо Стайлза. Пять тысяч долларов.

Шагая по виа Венето сквозь праздную полуденную толпу, состоящую из туристов, клерков, киношников и полногрудых девиц, Джек увидел Деспьера, сидящего за маленьким столиком на веранде кафе. Благодаря солнечному теплу всем казалось, что зимой нет места на земле более приятного, чем Рим, – это было написано на лицах прохожих, слышалось в их радостном многоязычном гомоне.

– Садись. – Деспьер коснулся рукой соседнего кресла. – Наслаждайся итальянским солнцем.

Джек сел и, подозвав одного из официантов, раздраженно протискивающегося между людьми с подносом, на котором стояли чашечки с кофе, тонкие бутылочки с кампари и другими винами, заказал вермут.

– Dottore, – сказал Деспьер, – вчера вечером ты меня испугал. У тебя был вид тяжело больного человека.

– Нет, – Джек вспомнил ночь, – все обошлось. Просто я немного устал.

– Ты вообще-то здоров, Dottore?

– Конечно, – ответил Джек.

– На вид ты крепок, как скала. Я бы назвал тебя бессовестным обманщиком, если бы узнал, что на самом деле изнутри ты изъеден болезнями. Другое дело – я. – Деспьер усмехнулся. – Увидев меня, ученые сломя голову бегут в лаборатории, спеша изобрести чудесный эликсир, способный помочь мне. Тебе известно, что я получал инъекции препаратов, изготовленных из плаценты недавно рожавших женщин, а также из мужских сперматозоидов?

– Зачем ты это делал? – недоверчиво спросил Джек.

– Чтобы продлить жизнь. – Деспьер помахал рукой мужчине и светловолосой женщине, проходившим мимо столика. – По-твоему, мне не стоит пытаться продлить жизнь?

– Ну и как, помогает? – поинтересовался Джек.

Деспьер пожал плечами:

– Я жив.

Официант поставил перед Джеком бокал и налил в него вермут. Деспьер помахал рукой двум длинноволосым девушкам, на бледных лицах которых не было следов косметики; они покинули киностудию на час, чтобы перекусить. Похоже, Деспьер знал каждого второго человека, проходившего мимо столика; он приветствовал всех одним и тем же вялым движением руки и живой, насмешливой улыбкой.

– Скажи мне, Dottore, – не вынимая сигареты изо рта и шурясь от дыма, произнес развалившийся в кресле Деспьер, – какое впечатление произвел на тебя шедевр Делани, который ты смотрел сегодня утром?

– Ну, – осторожно начал Джек, – монтаж еще не завершен. Пока рано что-либо говорить.

– Ты хочешь сказать, получилась дрянь. – На лице Деспьера появилось любопытство.

– Вовсе нет, – возразил Джек.

И Делани, и Деспьер были друзьями Джека, и он не считал нужным приносить одного из них в жертву другому ради какой-то журнальной статьи.

– Дай Бог, чтобы ты был прав, – заметил Деспьер.

– Что ты имеешь в виду?

Сегодня Джек в обществе Деспьера испытывал неловкость.

– Тебе известно не хуже, чем мне, – наш друг Делани прижат к канатам. Один слабый фильм, и ему не найти работы. Ни в Голливуде, ни в Риме, ни в Перу...

– Я ничего об этом не слышал, – сухо сказал Джек. – Я не слежу за прессой.

– Ах, – ироническим тоном произнес Деспьер, – если бы у меня были такие преданные друзья...

– Слушай, Жан-Батист, что ты напишешь в статье? Ты хочешь его прикончить?

– Я? – Деспьер с наигранным удивлением коснулся рукой груди. – Неужто я слышу человеком, способным на такое?

– Ты слынешь человеком, способным на многое, – заметил Джек. – Что ты собираешься о нем писать?

– Еще не решил. – Деспьер улыбнулся, поддразнивая Джека. – Я бедный и честный газетчик, служащий, как все бедные и честные газетчики, одной лишь правде.

– Каким будет твой материал?

Деспьер пожал плечами:

– Я не намерен петь ему дифирамбы, если ты спрашиваешь об этом. За последние десять лет, как тебе известно, он не сделал ни одной приличной картины, хотя по-прежнему держится так, словно изобрел кинокамеру. Позволь задать тебе один вопрос. Он всегда был таким?

– Каким? – Джек изобразил на лице недоумение.

– Ты меня понял. Высокомерным, нетерпимым по отношению к тем бездарностям, с которыми вынужден работать, обожающим лесть, глухим к критике, считающим дерьмо, которое он создает, шедеврами; никого не уважающим, ревнивым к работе своих коллег, транжирой – когда речь идет о чужих деньгах, не пропускающим ни одной юбки, словно ирландская ассоциация коннозаводчиков выдала ему лицензию на совокупление со всеми хорошенькими дамочками, которые попадутся на пути...

– Достаточно, я уже все понял.

Джек на мгновение вообразил, какой будет вид у Делани, когда кто-нибудь переведет ему с французского эту статью. Надо предупредить Мориса, чтобы держался подальше от Деспьера или попытался найти с ним общий язык. Любопытно, чем Делани удалось пробудить в Деспьере такую антипатию, подумал Джек. Как помочь Морису?

Деспьер насмешливо улыбался; тонкими длинными губами француз сжимал дымящуюся сигарету. Жан-Батист пригладил рукой свои волосы, подстриженные по моде, родившейся в Сен-Жермен-де-Пре; он явно наслаждался бурей, вызванной им в душе Джека, и сейчас походил на бледного, болезненного и чрезвычайно смышленного мальчишку, которому удалось разыграть взрослых.

– Скажи, Dottore, правда я – мерзкий, коварный француз?

– Ты его не знаешь по-настоящему. Он совсем не такой, каким ты его видишь. Или, во всяком случае, ты разглядел только одну сторону. Худшую.

– Хорошо, Джек. Я весь внимание. Расскажи мне о его достоинствах.

Джек заколебался. Он устал, голова была тяжелой после бессонной ночи; Джек ловил на себе взгляды людей, рассматривавших его нос и синеватую припухлость под глазом. Сегодня он не испытывал желания защищать кого-либо. Ему хотелось сказать Деспьеру, что он не в восторге от той легковесной, жалящей язвительности, с какой журналисты представляют своих жертв публике. Джек вспомнил, как Делани, сидя вчера в зале кинотеатра, глухо произнес после сеанса: «Я *был* великим человеком», как потерявший веру в себя Морис попросил его сегодня утром: «Будь другом, соври ему немного».

– Я познакомился с ним, – начал Джек, – еще до войны, в 1937 году. Я был занят в спектакле, который проходил апробацию в Филадельфии...

Он замолчал. Деспьер улыбался двум девушкам, остановившимся перед столиком. Не вставая, Деспьер заговорил с ними по-итальянски. Солнце находилось за их спинами, и Джеку не удавалось разглядеть девушек. Его раздражало, что Деспьер отвлекся, помешав ему продолжить рассказ о Делани. Джек внезапно поднялся.

– Послушай, Жан-Батист, – перебил он француза, – поговорим в другой раз. Ты сейчас занят, и я...

– Нет-нет. – Деспьер протянул руку и сжал плечо Джека. – Немножко терпения. Помни, ты находишься в Риме, а не в Нью-Йорке. *Dolce far niente*¹³. Девушки хотят с тобой познакомиться. Они видели твою картину и восхищены ею. Правда, девушки?

– Какую картину? – глупо спросил Джек.

– «Украденная полночь», – ответил Деспьер. – Мисс Хенкен. Синьорина Ренци.

– Здравствуйте, – не приветливо произнес Джек.

Он слегка передвинулся, чтобы солнце не слепило глаза, и наконец рассмотрел девушек. Джек, не страдавший избытком патриотизма, решил, что наименее привлекательная из них, вероятно, американка. У нее были песочного цвета волосы и сухая кожа; на тонких губах мисс Хенкен играла безрадостная улыбка, которая словно говорила о том, что к своим тридцати годам девушка успела познакомиться со многими городами и мужчинами и везде с ней обошлись плохо. У ее спутницы, молодой итальянки, были живые темные глаза, длинные черные волосы и оливковая кожа. Высокая синьорина Ренци распахнула свое бежевое шерстяное пальто, спасаясь от жары; она застыла перед столиком, и Джек подумал, что она прекрасно сознает, какое воздействие оказывают на проходящих мужчин ее длинные волосы и роскошная фигура. Она часто улыбалась, ее глаза постоянно двигались, девушка оценивающе поглядывала на людей, потягивающих напитки. Иногда она наклоняла голову, и ее волосы свободно свисали набок. Наверняка, подумал Джек, какой-нибудь поклонник сказал ей, что эта маленькая хитрость волнует мужчин, после чего привычка укоренилась. Удлиненное, пышущее здоровьем лицо итальянки показалось Джеку самодовольным и неумным. Эффектная, бездушная самка, с неприязнью подумал он. Отрывистые музыкальные звуки, вылетающие из ее горла, напоминали негромкое пение флейты. Девушка периодически облизывала кончиком языка уголок рта. Джек был уверен, что дома она репетировала перед зеркалом этот трюк, будивший чувственность и таивший в себе некое обещание.

Деспьер придвинул ей кресло, стоящее у соседнего столика; официант принес кресло для блондинки. Они непринужденно сели, и Джеку ничего не оставалось, как опуститься на свое место.

– Тебе есть о чем побеседовать с Фелис, Джек, – заметил Деспьер. – Вы занимаетесь одним делом.

– Которая из них Фелис? – грубовато спросил Джек.

– Я, – сказала блондинка. – Вы разочарованы, да?

Мисс Хенкен выдавила из себя улыбку.

¹³ Сладостное ничегонеделание (*ит.*).

– Она тоже дублирует фильмы, – пояснил Деспьер. – На английском.

– А...

«Знает ли Деспьер, что моя миссия в Риме – тайная, – мелькнуло в голове Джека. – Конечно, знает, – решил он, – просто сегодня Жан-Батист не в духе, он настроен против Делани и хочет насолить режиссеру».

– Я делаю это первый и последний раз в жизни, – заявил Джек, подумав, что Деспьер, наверное, не без какого-то тайного умысла ввел девушек в заблуждение относительно его основной профессии. – Вообще-то я зарабатываю на жизнь подделкой чеков.

– Не будь с девушками таким сердитым, Dottore. Они тебя обожают. Верно, девушки?

– Мистер Роял, – сказала итальянка по-английски, – на этой неделе я смотрела ваш фильм три раза. Я плакала как ребенок.

По-английски она говорила медленнее, чем по-итальянски, более резко, менее мелодично, ее голос уже не напоминал пение флейты; судя по акценту, она много общалась с американцами.

– Моя фамилия – не Роял, – сказал Джек, подумывая о бегстве, – а Эндрюс.

– Он ведет двойную жизнь, – заявил Деспьер. – В свободное от работы время подыскивает места для размещения пусковых установок.

Девушки вежливо, смущенно заулыбались.

– Я искала другие фильмы с вашим участием, – произнесла итальянка, склонив голову набок, отчего ее волосы упали на плечо, – но оказалось, что никто не знает, где они идут.

– Они нигде не идут. Я не снимаюсь более десяти лет.

– Очень жаль, – с искренностью в голосе заметила синьорина Ренци. – Подлинно талантливых актеров очень мало, они должны работать.

– Я перерос эти забавы, – пояснил Джек. – Жан-Батист, позвони мне позже, и мы...

– Позже я буду занят, – произнес Деспьер. – Джек рассказывал мне о мистере Делани.

Он повернулся лицом к девушкам.

– О событиях столетней давности. Продолжай, Джек. Я уверен, девушки охотно слушают.

– В молодости, – заметила итальянка, – когда Делани делал эту картину, он был очень интересен.

– А сейчас? – спросил Джек.

– Я видела другие его ленты. – Девушка пожала плечами, как бы извиняясь. – Они скучноваты. В них много голливудского. Я не права?

– Не знаю, – сказал Джек.

«Похоже, в Риме мне придется постоянно заступаться за Делани», – подумал он.

– Теперь я редко хожу в кино, – добавил он, глядя на девушку с интересом.

Она была умнее, чем показалось Джеку вначале.

– Это произошло в Филадельфии в 1937 году, – напомнил ему Деспьер. – Ты играл в спектакле...

Джеку не нравилось присущее Деспьеру стремление делать из работы событие светской жизни; находясь в женском обществе, Деспьер, похоже, постоянно проявлял подобную склонность.

– Девушкам будет скучно.

– Я очень хочу услышать о Филадельфии тридцать седьмого года, – заявила светловолосая американка. – Мне исполнилось тогда десять лет. Это был лучший год моей жизни.

В ее сдержанной, печальной улыбке сквозило неприятное самоуничижение.

– А сколько лет было тогда тебе, *saга mia*¹⁴? – спросил Деспьер итальянку. – И где ты находилась в тридцать седьмом году?

– Два года, – с неожиданной застенчивостью ответила девушка. – Я жила в испанском городе Сан-Себастьяне. Если мистер Роял, извините меня, мистер Эндрюс, не хочет рассказывать нам, настаивать невежливо.

– Не забывай, Вероника, я – газетчик, – сказал Деспьер. – В нашем деле...

Тут он попал в точку, подумал Джек. Вероника. Вот, оказывается, какое у нее имя. Вероника. Классический элемент корриды, выполняемый с плащом. Сан-Себастьян, Испания. В его голове мелькнуло воспоминание о виденном им сне, и эта ассоциация встревожила Джека.

– У меня есть идея, *mes enfants*¹⁵. – Деспьер лениво поднялся с кресла. – Мы перекусим, а заодно поведаем друг другу тайны нашего прошлого.

Они неуверенно встали.

– Если мистер Эндрюс не возражает... – Вероника серьезно, с прежней неожиданной застенчивостью посмотрела на Джека.

– Конечно, нет, – сдался Джек. «Все равно мне надо где-то поесть», – подумал он.

– Следуйте за мной, – сказал Деспьер, взяв Веронику под руку и направившись в сторону улицы. – Я отведу вас в такое место, где с двенадцатого века не было туристов.

Джек задержался, чтобы заплатить официанту сто лир. Потом вместе с мисс Хенкен пошел за Деспьером и Вероникой. «Этот хитрец собирается угостить свою девушку ленчем за мой счет», – подумал Джек.

На лице мисс Хенкен появилась радость с оттенком сомнения – она была из тех девушек, которых приглашают на ленч только случайно.

Джек не спускал глаз с пары, шагавшей впереди. Деспьер с видом собственника держал Веронику за плечо; их смех, долетавший до Джека, звучал вполне интимно. Раскачивающиеся полы пальто частично закрывали великолепные ноги девушки – длинные, загорелые, в туфлях на высоком каблуке. Настроение Джека испортилось окончательно. «Ручаюсь, после ленча они найдут предлог покинуть нас, чтобы заняться любовью», – возмущенно подумал он.

– Господи, – тихо сказала мисс Хенкен, глядя на идущую впереди девушку, – почему я не родилась итальянкой?

Джек посмотрел на нее с жалостью и отвращением.

– К тридцати годам она расплывется, – заметил он, помогая мисс Хенкен утешать себя.

Мисс Хенкен сухо рассмеялась и похлопала себя по плоской груди:

– Что ж, мне уже тридцать. Вы меня успокоили.

«Я приехал в Рим не для того, чтобы утешать обделенных, – подумал Джек. – Заставлю Деспьера заплатить за себя и свою девушку. Это будет моим единственным достижением за день».

Деспьер ошибся, сказав, что в том ресторане, куда он привел их, не было туристов с двенадцатого века. Напротив Джека в углу небольшого зала сидела тихая американская пара, казавшаяся четой молодоженов. Они серьезно изучали меню; девушка, подняв голову, обратилась к стоявшему перед ней официанту:

– Я хочу что-нибудь типично итальянское. Омлет – это итальянское блюдо?

Джек готов был поцеловать ее в чистый, прекрасный американский лоб.

Интерьер этого типичного римского ресторана не радовал глаз: стены были расписаны кричаще яркими видами Неаполитанского залива; люстры в виде безвкусных модернистских конструкций висели под потолком столь высоким, что благодаря какому-то акустическому эффекту посетителям приходилось кричать, чтобы их услышали соседи по столику. Деспьер

¹⁴ моя дорогая (*ит.*).

¹⁵ дети мои (*фр.*).

заказал для всех местное фирменное блюдо – spaghetti alle vongole¹⁶, официант поставил на стол открытый графин с широким горлом, наполненный вином.

– По мнению Джека, в характере Мориса Делани есть тайные красоты; сейчас он поведаст нам о них, и я смогу нарисовать объективный портрет великого человека.

Джек попытался вспомнить, как однажды вечером, более двадцати лет назад, он познакомился с Делани. Случилось это в гримерной; кроме режиссера, в убогой полутемной комнате находились Лоренс Майерс и девушка, впоследствии ставшая женой сценариста. Только что закончился спектакль, в течение недели апробировавшийся в Филадельфии. Майерс и его невеста сидели рядом на старом диване, Джек очищал перед зеркалом лицо кольдкремом.

– Это была первая пьеса Майерса, – сказал он. – Драматург радовался положительным откликам прессы и успеху, который вещь имела у публики, все говорили, что Хэрри Дэвис – он играл главную роль – станет звездой. Дэвис уже умер. Майерс – тоже.

Джек замолчал, пытаясь понять, зачем сказал об этом, ради чего воздвиг над заброшенными могилами забытых американцев надгробия из слов, объявив своим слушателям об их смерти. В этот миг Джек как бы воочию увидел живого Майерса – бледного, нервного молодого человека в изношенном костюме, сидящего возле смущенной девушки, которая напоминала гувернантку, отпущенную на выходной; она любила Майерса так неистово, что превратила их жизнь в цепочку ужасных сцен ревности, оборвавшуюся в тот день, когда Лоренс покинул кислородную палатку, чтобы умереть.

– Майерс где-то познакомился с Делани, все знали, что режиссер находится в зрительном зале и следит за спектаклем, – продолжил Джек. – Делани недавно закончил свою первую полнометражную картину, она имела шумный успех; прилетев на восток, он заехал в Филадельфию, чтобы посмотреть спектакль и поделиться своим мнением с Майерсом.

Пока подошедший официант расставлял тарелки, Джек, смежив веки, вспоминал, как выглядел Делани, когда ворвался в гримерную. Молодой, грубоватый, самоуверенный, с хриплым голосом, одетый артистически-небрежно, Делани был в дорогом пальто из верблюжьей шерсти, на его шее развевался, как флаг, кашемировый шарф; его разъяренное лицо пылало, в движениях чувствовался избыток жизненных сил, казалось, он обладал неистощимым запасом энергии.

– Он заявил следующее, – продолжил Джек, когда официант ушел, – «Забудьте о прессе, Майерс, вы – конченный человек. Что они тут смыслят, в Филадельфии? В Нью-Йорке вас разорвут на куски!»

– Это на него похоже. – Деспьер сухо усмехнулся, его вилка замерла над тарелкой. – О таком Делани я и пишу.

– Он пожалел Майерса. – Джек вспомнил побелевшее лицо сценариста и слезы, выступившие на глазах его девушки. – Лучше знать правду заранее, чем ринуться в Нью-Йорк полным радужных надежд и испытать сильнейшее разочарование.

Джек увидел, что Вероника понимающе кивнула. Мисс Хенкен ела торопливо, как бы украдкой, словно ей редко удавалось наесться досыта и она боялась, что в любую секунду ошибка, по которой она попала сюда, может раскрыться и ее попросят покинуть ресторан.

– Что еще хорошего он сказал? – спросил Деспьер.

– В гримерную зашли режиссер и продюсер постановки, – продолжал Джек, – они тоже хотели узнать мнение Делани; повернувшись к ним, Морис закричал: «Вы собираетесь везти этот балаган в Нью-Йорк? Что происходит с театром? Неужели театральные деятели окончательно утратили самоуважение? Неужто у них совсем не осталось вкуса, чувства меры, любви к своей профессии?»

¹⁶ спагетти с морскими гребешками (*um.*).

Даже сейчас, спустя два десятилетия, Джек отчетливо слышал резкий, раздраженный голос, звучавший в темной комнате, он вспомнил, какие чувства испытывал, сидя перед зеркалом и восхищаясь Делани; Джек, видевший недостатки спектакля, разделял оценку Делани и презирал окружавших его людей, которые из-за слабости и сентиментальности обманывали себя. «Если бы в те годы, когда я впервые приехал в Нью-Йорк, – продолжал Делани, размахивая кулаком перед носом продюсера, словно собирался ударить его, – мы увидели бы такой прогон, то поспешили бы скрыться в горах, надеясь, что мусорщики сожгут театр дотла. А сегодня у вас хватает нахальства стоять здесь и заявлять мне, что вы собираетесь везти это в Нью-Йорк! Позор! Позор!»

– Что ответил продюсер? – спросил Деспьер.

– Продюсер сказал: «Мне кажется, мистер Делани, вы пьяны», после чего вместе с режиссером театра выскочил из гримерной.

Джек усмехнулся, вспомнив их паническое бегство.

– Видите, – сказала Вероника, – я вам говорила, что в молодости мистер Делани был интересен.

Она слушала Джека так внимательно, что совсем забыла о еде; Джек постоянно чувствовал, что она не отводит глаз от его лица.

– А что стало с бедолагой-сценаристом? – спросил Деспьер. – Он прыгнул в реку и утопился?

– Нет. Делани посоветовал ему забыть о пьесе. В конце концов, как сказал Делани, если первая вещь автора проваливается, это приносит ему только пользу. Делани поведал Майерсу о том, как семь лет вкалывал в театре, пока к нему пришло хоть какое-то признание, о том, как его выгоняли из съемочной группы в самом начале работы над первыми двумя картинами. А еще он заявил: «Послушайте, молодой человек, эта вещь никуда не годится, но у вас есть талант, и в конце концов вы создадите нечто стоящее».

Джек задумался. У Майерса действительно был талант; но жизнь его сложилась неудачно, он стал алкоголиком и умер в возрасте тридцати трех лет, но мог ли Делани предвидеть все это в тот вечер?

– Затем он спросил Майерса, есть ли у того деньги, на что драматург, засмеявшись, ответил: «Шестьдесят пять долларов». Морис заявил, что приглашает Лоренса в Голливуд для работы над сценарием кинокартины; получив гонорар, Лоренс сможет заняться новой пьесой. И еще он порекомендовал Майерсу не приглашать друзей и родственников на нью-йоркскую премьеру и не обсуждать ее с ними, а прийти к нему в отель. Майерс и его девушка воспользовались советом Делани. Премьера провалилась, зрители начали уходить уже в середине первого действия, невеста Майерса плакала в последнем ряду. Это был к тому же день ее рождения; она, конечно, не поверила Делани, считая, что пьеса уступает только «Гамлету», и взяла на работе отпуск, чтобы отпраздновать с Майерсом его успех. Но ее ждало горькое разочарование. Они с Майерсом отправились в отель к Делани; войдя в «люкс», они застали там режиссера; он ждал их, сидя перед тортом со свечами, приготовленным для девушки. Они спустились в бар, немного выпили; Делани запретил им читать завтрашние рецензии, которые, по его выражению, будут способны искалечить человека. Затем он спросил, где они планируют провести ночь. Майерс вместе с двумя актерами жил в квартире без горячей воды, он не мог пригласить девушку к себе, и она собиралась заночевать у родственников на Морнингсайд-Хейтс. Делани заявил, что в эту ночь им не следует расставаться. Он отвел их к портье и сказал ему: «Послушайте, это мои друзья. Они не женаты; я хочу, чтобы они получили просторную комнату на одном из верхних этажей, где тихо, а воздух свеж, с выходящими в сад окнами, из которых виден мост Джорджа Вашингтона и Джерси. Я хочу, чтобы у них было все, чем располагает этот отель. Они закажут шампанское, икру и жареного фазана, а вы все запишите на мой счет».

Затем, поцеловав их обоих, Делани пообещал заказать билеты в Калифорнию на послезавтра и удалился.

Джек умолк, предавшись воспоминаниям о далеких днях, пережитых катастрофах, несбывшихся надеждах, пролитых слезах, безжалостной честности, целительном прямодушии, юношеской вере. Он не стал говорить им о себе, о том, как Делани мимоходом, как бы случайно, не расточая комплиментов, нанял и его; он не рассказал им о своей первой жене, ненавидевшей Делани за то, что он занял важное место в жизни Джека. Все это не имело прямого отношения к Делани и не представляло ценности как материал для статьи.

– Вот что произошло сто лет назад в Нью-Йорке, когда я был молод, – закончил Джек, снова принимаясь за спагетти.

– Если бы эту статью писала я, – сказала Вероника, и Джек обратил внимание на то, что она по-прежнему не спускает с него глаз, – я бы включила в нее эту историю. Точно в том виде, в каком мы ее слышали.

– О чем она говорит? – Деспьер пожал плечами. – О том, что в молодости мы все были лучше? Это общеизвестно.

– Возможно, – согласилась Вероника, – но эта мысль не испортит статью.

– Он пользовался колоссальным успехом у женщин, – заметила мисс Хенкен, поглощая спагетти и моллюсков. – Сплетен ходило предостаточно... Он спал со всеми подряд. Напишите это. Читатели придут в восторг.

– К совету Фелис стоит прислушаться, – серьезно сказал Деспьер. – Она держит руку на пульсе публики.

– Уверена, – мисс Хенкен лукаво посмотрела на Джека из-под белесых бровей, – в молодости, когда вы выглядели так, как в «Украденной полночи», вы тоже могли переспать с любой.

– Я составлю для вас список, мисс Хенкен, – с неприязнью в голосе произнес Джек, – прежде чем уеду из Рима.

– Теперь он – женатый человек, – усмехнулся Деспьер, – и государственный деятель. Не бери ему душу сладостными воспоминаниями.

– Я просто сделала ему комплимент, – обиженно произнесла мисс Хенкен. – Что, теперь и комплимент мужчине сделать нельзя?

Джек встретился глазами с Вероникой; девушка загадочно улыбнулась, склонив голову. «Похоже, она считает, что я и сейчас выгляжу недурно», – подумал удивленный Джек.

От Деспьера, замечавшего все, не укрылось, что Джек еле заметно переглянулся с Вероникой; француз откинулся на спинку кресла, из-под прикрытых век посматривая на них обоих и, как показалось Джеку, обдумывая план мести.

– Будь осторожна в разговорах с ним, – лениво сказал он. – Его жена ужасно ревнива. И к тому же она очень красивая. Настолько красивая, что стоит Джеку покинуть город, как она тотчас становится самой популярной женщиной в Париже. Между прочим, Джек, я тебе говорил, что утром мне звонила знакомая из Парижа? Она видела твою жену. Я тебе говорил?

– Нет, – ответил Джек, – не говорил.

– В три часа утра Элен видели в «Белом слоне». Она танцевала с каким-то греком. Моя приятельница его не знает, но, по ее словам, танцует он великолепно. Она сказала, что Элен выглядела сногшибательно.

– Не сомневаюсь, – сухо произнес Джек.

– Они – самая счастливая семейная пара из всех известных мне, – завершил свою месть Деспьер. – Правда, Джек?

– Не знаю. Я не знаком со всеми твоими женатыми друзьями.

– Если бы я мог надеяться на успех, – сказал Деспьер, – то обязательно бы приударил за Элен. Она прелестна, а с ее мужем не скучно. Нет ничего хуже, чем роман с женщиной, муж

которой – зануда. Никакая женская привлекательность не послужит достаточной компенсацией за те часы, что вам придется проводить в его обществе, изображая из себя друга семьи.

Мисс Хенкен нервно рассмеялась: журналист дал ей возможность заглянуть в бесконечно далекий от нее мир адюльтера. Деспьер, радуясь одержанной победе, занялся спагетти.

Не дождавшись кофе, он взглянул на часы и вскочил с кресла.

– Придется вас покинуть. У меня свидание. Мы обязательно должны каждый день встречаться за ленчем.

Помахав рукой, он отошел от столика. Хозяин ресторана поспешил к французу. Деспьер обнял итальянца за плечи и вместе с ним направился к двери. Джек проводил их взглядом, сердясь на себя за то, что позволил Деспьеру уйти, не оплатив хотя бы половину счета. Он посмотрел на Веронику, желая понять, как она реагирует на то, что Деспьер внезапно покинул ее, но девушка с невозмутимым видом ела грушу.

«Похоже, я ошибся», – подумал Джек.

А через несколько минут, когда они допили кофе и Джек попросил счет, подошедший к нему хозяин ресторана, широко улыбаясь, заявил, что ленч уже оплачен.

– Синьор Деспьер, – добавил итальянец, – сказал, что сегодня вы все – его гости.

Глава шестая

Когда они вышли на улицу, мисс Хенкен сообщила, что отправляется в Чинечита¹⁷ узнать насчет работы; они поймали для нее такси, и она уехала. Судя по выражению ее лица, она привыкла обходиться без провожатых.

– Вам в какую сторону? – спросила Вероника.

Она стояла, распахнув пальто, и Джек догадался, что девушка демонстрирует свою фигуру.

– Я пройду пешком до отеля.

Собираясь попрощаться, Джек задумался, должен ли он из вежливости спросить ее телефон. «Не буду, – решил он, – все равно я им не воспользуюсь».

– Можно ли прогуляться с вами? – Вероника снова облизала языком уголок рта.

– Конечно. Я буду только рад. Если вы никуда не торопитесь.

– До пяти часов я свободна.

– А что вы делаете потом? – спросил Джек.

– Работаю. В бюро путешествий. Отправляю людей в те места, где хотела бы побывать сама.

Солнце скрылось за зловещими, свинцово-черными тучами, которые наступали на Рим с севера; ветер рвал в клочья края афиш, расклеенных на желтых стенах домов.

Они прошли мимо двери, возле которой просила милостыню согбенная, плохо одетая женщина с грязным ребенком. Держа малыша одной рукой, нищенка бросилась вслед за Джеком, повторяя: «Americano, americano»¹⁸. Вторую руку, скрюченную, давно не мытую, она протягивала вперед.

Джек, остановившись, дал ей столировую монету; женщина, не поблагодарив, вернулась к двери. Джек почувствовал, что она смотрит ему вслед, не испытывая признательности и удовлетворения; сотня отданных лир не избавила его от ощущения вины, вызванного вкусной горячей пищей, обществом хорошенькой девушки, роскошью гостиничного номера.

– Это напоминание, – серьезно сказала Вероника. – Я о женщине.

– Напоминание о чем?

– О близости Африки и о той цене, которую мы за нее платим, – пояснила девушка.

– В Америке тоже есть нищие, – заметил Джек.

– Не такие. – Вероника ускорила шаг, словно спеша уйти подальше от женщины с ребенком.

– Вы бывали в Америке? – спросил Джек.

– Нет. Но я знаю.

Они молча перешли улицу, свернули за угол, миновали витрину бакалейного магазина, уставленную сырами, колбасами и оплетенными узкогорлыми бутылками с кьянти.

– Вам безразлично, – негромким голосом спросила внезапно Вероника, – что ваша жена танцует с кем-то в Париже в три часа утра?

– Да, – сказал Джек и подумал: «Это не совсем верно».

– Американские семьи счастливее итальянских, – с досадой произнесла она.

«Ну, – подумал Джек, – тут я мог бы с ней поспорить».

– И вообще, – заметил он, – я не уверен, что она на самом деле танцевала в три часа утра.

– Вы хотите сказать, Жан-Батист соврал?

– Сочинил, – поправил ее Джек.

¹⁷ Римский киногородок, где находится ряд киностудий.

¹⁸ Американец, американец (*ит.*).

– В нем плохое перемешано с очень хорошим, – сказала Вероника.

Джек почувствовал влагу на верхней губе. Он понял, что из носа снова потекла кровь. Смутившись, он остановился, вытащил платок и приложил его к носу.

– Что с вами? – Вероника испуганно посмотрела на Джека.

– Пустяки, – глухо ответил он. – Нос кровоточит. Королевская болезнь, – пытался пошутить Джек.

– Это всегда так начинается? Без всякой причины?

– Только в Риме. Вчера какой-то человек меня ударил.

– Ударил вас? – изумленно спросила она. – Почему?

– Понятия не имею. – Джек тряхнул головой, раздосадованный усилившимся кровотечением и вниманием прохожих. – Как предупреждение.

Он стоял посреди оживленной улицы, расстроенный, подавленный снами, недобрыми предчувствиями, образами мертвых, близостью опасности, одиночеством, страхом, который внушала ему грядущая ночь.

– Надо поскорей добраться до вашего отеля, – сказала Вероника.

Остановив такси и держа Джека за локоть своей сильной и нежной рукой, она усадила его, точно инвалида, в машину. Сейчас Джек радовался тому, что в такую минуту был не один.

Возле отеля Вероника, не позволив Джеку расплатиться с водителем, сделала это сама; потом она взяла ключ у портя и остановилась у двери лифта рядом с Джеком, готовая в любой момент подхватить его, если он начнет падать. Кровь шла не переставая.

В кабине лифта перед глазами Джека, старавшегося ничем не привлекать внимания рослого парня в ливрее, нажимавшего кнопки рукой, обтянутой белой перчаткой, возникло странное видение. Он явственно осознал, что, пока девушка ходила за ключом, в дальнем конце коридора он заметил Деспьера и женщину в голубом платье; они сидели рядом и серьезно беседовали о чем-то. Джек был уверен в том, что в какое-то мгновение Деспьер поднял голову, узнал его, кивнул и отвернулся.

– Вы их видели? – спросил он Веронику, которая замерла возле него.

– Кого?

– Деспьера и какую-то женщину. В вестибюле.

– Нет. – Вероника удивленно посмотрела на Джека. – Я никого не видела.

– Наверно, мне показалось, – тихо произнес Джек.

«Теперь живые преследуют меня среди бела дня», – подумал он.

Зайдя в номер, Джек снял пиджак, расстегнул воротничок рубашки, ослабил галстук и прилег на кровать. Вероника повесила пиджак в шкаф; нашла в ящике стола чистый платок и дала его Джеку. Она остановилась возле него; черты ее лица исчезали в полумраке зашторенной комнаты. Капли дождя застучали в окно. Затем Вероника молча легла рядом с Джеком, обняв его. Они слушали дождь, нарушавший тишину затемненного номера. Спустя некоторое время он отнял платок от лица; кровь остановилась. Джек повернул голову, поцеловал девушку в шею, плотно прижимая губы к упругой теплой коже; его сознание освобождалось от всего, что существовало вне этой комнаты, этого момента, этой кровати, – от недобрых предчувствий, ран, крови, воспоминаний и привязанностей.

Он лег на спину; девушка положила голову ему на плечо. Длинные темные волосы Вероники разметались по его груди. Джек медленно возвращался к реальности, снова становясь обитателем номера 654, мужем, отцом, человеком сдержанным, здравомыслящим, рациональным. Он посмотрел на лицо Вероники, которое еще два часа назад казалось ему глупым и самодовольным. Ее широко раскрытые глаза смотрели в потолок, на губах девушки застыла безмятежная улыбка. Да, снова подумал он, у нее и в самом деле глуповатое лицо. Джек вспомнил первую характеристику, которую мысленно дал ей, сидя в уличном кафе, – эффектная,

безддушная самка. «Какую радость способна подарить эффектная, бездушная самка?» – подумал он улыбаясь.

Они лежали, внимая дождю, слушали звуки Рима, пробивавшиеся сквозь окна и шторы. Джек еле заметно усмехнулся.

– Почему ты смеешься? – прозвучал возле уха Джека ее нежный, похожий на пение флейты голос.

– Я смеюсь, потому что я оказался весьма проницательным.

– Ты о чем?

– Я все вычислил, – произнес Джек. – За ленчем. Решил, что в конце концов ты уйдешь с Жаном-Батистом.

– Ты думал, что я – его девушка?

– Да. Это не так?

– Нет, я не его девушка. – Она взяла руку Джека и поцеловала его ладонь. – Я – твоя девушка.

– Когда ты так решила? – спросил он, приятно удивленный.

«Как давно со мной не случалось ничего подобного», – подумал Джек.

Теперь пришел ее черед усмехнуться.

– Два дня назад, – заявила она.

– Два дня назад мы не были знакомы. Ты даже не знала о том, что я существую.

– Да, мы не были знакомы, но я знала о том, что ты существуешь. И даже очень хорошо. Я видела твой фильм. Ты был так прекрасен, так умел любить, что я за полчаса, проведенных в кинозале, стала твоей девушкой.

«Возможно, позже, – с грустью подумал Джек, – все это будет вызывать у меня смех, но сейчас мне не хочется смеяться».

– Но, детка, там я на двадцать лет моложе. Мне было тогда даже меньше лет, чем тебе сейчас.

– Я знаю, – ответила Вероника.

– Теперь я – другой человек. – Джек с горечью ощутил, что эта очаровательная, простодушная, не слишком умная девушка обманута, обманута временем и коварной долговечностью целлулоида, а он бесчестно воспользовался этим. – Совсем другой.

– Сидя в кинотеатре, я знала, как все было бы у нас с тобой.

Джек рассмеялся:

– Кажется, я должен вернуть тебе деньги.

– Что это значит?

– Ты не получила то, за что заплатила. – Он вытащил руку из-под ее головы. – Тот двадцатидвухлетний паренек, за которого ты заплатила, давно не существует.

– Нет, – медленно выговорила Вероника, – я ни за что не платила. И тот двадцатидвухлетний паренек никуда не исчез. Когда я сидела в ресторане и слушала твой рассказ о мистере Делани и несчастном сценаристе, я поняла, что тот юноша жив. – Усмехнувшись, она теснее прижалась к нему, повернула голову и зашептала Джеку на ухо: – Нет, это еще не вся правда. Все было не так, как я представляла себе в кино. Все было гораздо, гораздо лучше.

Они оба рассмеялись. «Благодарю тебя, Господи, за то, что на свете существуют поклонницы», – подумал Джек, стыдясь своих мыслей. Он снова обнял ее, коснувшись рукой густых темных волос Вероники. «А я-то считал, что давно получил весь гонорар за эту картину, – мелькнуло в голове Джека. – Сейчас, похоже, мне обломилось то, что гильдия киноактеров называет «побочными дивидендами». Щедрые побочные дивиденды».

Он повернулся к Веронике и положил свою руку на кисть девушки.

– Что ты хочешь? – шепнула она.

– Что-нибудь типично итальянское.

Глава седьмая

Джек услышал какой-то стук. Неохотно открыл глаза. В комнате было темно. Погруженный в сладостное забытие, он не знал и не хотел знать, где он находится, который сейчас час, день это или ночь. Робкий стук повторился; он увидел, что дверь гостиной со скрипом открылась и на пол спальни упала узкая полоска желтого света. Джек понял, что он один и покоится в своей кровати в номере 654 римской гостиницы.

– Войдите. – Он натянул до шеи смятую простыню, потому что лежал совершенно голый.

Дверь отворилась шире, и он увидел горничную. Она стояла, улыбаясь ртом, в котором не доставало нескольких зубов, и держа в руке вешалку с пиджаком, как охотничий трофей. «Посмотри, что я поймала сегодня в римских джунглях: американский пиджак, окропленный американской кровью».

– La giacca, – радостно произнесла она. – La giacca del signore. E pulita¹⁹.

Горничная, тяжело волоча ноги по ковру, источая еле уловимый запах пота, прошла к шкафу и повесила пиджак; при этом она с нежностью поглаживала его, словно это было ее любимое домашнее животное. Джек хотел дать ей чаевые, но не мог подняться с кровати. Он понимал, что вряд ли шокировал бы пожилую женщину, за тридцать лет вдоволь насмотревшуюся в спальнях римских гостиниц на наготу тела и души, но все же Джек решил, что свою сотню лир она получит в другой раз.

– Grazie²⁰, – сказал Джек, вдыхая тонкий аромат, который оставила после себя Вероника. – Grazie, tanti²¹.

– Prego, prego²², – жалобно пропела горничная, внимательно осматривая комнату, не упуская из виду ничего, новоявленный Шерлок Холмс в голубом переднике, составляющий в своей каморке опасное, как динамит, досье на обитателей христианского города.

Не получив своей сотни лир и возмущаясь скупостью богатых, она покинула номер. Горничная не закрыла за собой дверь, и Джек услышал, как она идет по гостиной, ворча себе под нос; стихающий шум ее шагов казался далеким отзвуком людского рева, раздававшегося в 1917 году под стенами Кремля. Наконец хлопнула наружная дверь, и Джек блаженно вытянулся в теплой кровати, слушая урчание воды в батареях, предаваясь сладостным воспоминаниям о прошедшем дне. «Не так уж и плохо, что из носа потекла кровь, – подумал он, – иначе какой предлог нашла бы Вероника для того, чтобы подняться ко мне в номер? Если встречу снова того пьяного, возможно, пожму ему руку».

Джек зажег ночник и посмотрел на часы. Семь часов. От бессонницы есть неплохое средство. Единственным подтверждением того, что недавно здесь была Вероника, служил тончайший аромат, испускаемый простынями. Когда она ушла? Одна француженка сказала ему, что мужчина, засыпающий после любви, поступает невежливо. «Я – грубый, невоспитанный американец, дикий индеец», – подумал Джек.

Он вспомнил о жене и попытался понять, испытывает ли чувство вины. Лежа в теплой смятой постели, Джек испытывал гамму чувств, но чувства вины среди них не было. Прожив с Элен восемь лет, он ни разу не изменил ей. Раз или два он был близок к тому, чтобы вступить в связь с другой женщиной, но в самую последнюю минуту воздерживался от этого. Не по соображениям нравственности – этические табу играли важную роль в иных вопросах; пройдя через несколько браков, хорошо зная, как живут другие семейные пары, Джек

¹⁹ Пиджак. Пиджак синьора. Чистый (*ит.*).

²⁰ Спасибо (*ит.*).

²¹ Большое спасибо (*ит.*).

²² Пожалуйста, пожалуйста (*ит.*).

считал физическую верность скорее исключением, чем нормой. Хранил ли он верность Элен потому, что любил ее? Но порой он вовсе не любил ее – как, например, в день отлета из Парижа. Или потому, что недостаточно сильно любил жену и испытывал чувство вины, заставлявшее его блюсти внешнюю сторону брака в надежде, что когда-нибудь изображаемое превратится в реальность? А может, потому, что он был благодарен Элен за ее доброту, красоту и любовь к нему? Или причина крылась в том, что он был женат слишком много раз, страдал сам и приносил страдания другим? Или в том, что после бурной молодости его устраивали покой и размеренность жизни, дополняемые искусно поддерживаемой страстью? Сегодня, подумал он, душевному покою и размеренности жизни пришел конец. Если бы он чувствовал, что может влюбиться в Веронику, говорил себе Джек, он не позволил бы ей подняться в номер. Но случившееся (о благословенный случай!) никому не принесло вреда. Он лениво переместился на то место, где недавно лежала Вероника, оставившая на подушке два длинных темных волоса. В конце концов, подумал Джек, это всего лишь две недели.

Он ничего не знал об Элен. Даже фраза о том, что она в три часа утра танцевала в клубе, в равной степени могла быть и правдой, и ложью. Она была парижанкой, истинной французской женщиной, умевшей хранить свои тайны. У привлекательной, нравящейся мужчинам Элен было до замужества несколько романов, о которых Джек знал; наверняка были и другие, неведомые ему. Она почти каждый день выходила из дома, придумывая себе, как все парижские женщины, разнообразные поручения; он не пытался проверить, на что она тратит это время. Если бы Джек, приехав в Париж, увидел ее в чьей-нибудь гостиной, он решил бы, что у этой женщины, несомненно, есть любовники. Пережитая радость делала Джека терпимее: «Если у нее кто-то есть и благодаря этому ей сейчас так же хорошо, как и мне, я благословляю Элен».

Отбросив простыню, он встал с кровати, негромко насвистывая себе под нос. Зажег свечечник и посмотрел, не оставила ли Вероника на столе записку. Ее там не оказалось. Джек был уверен, что девушка не могла уйти, не оставив адреса или номера телефона, и голый босыми ногами зашагал в гостиную. Но там тоже ничего не нашел. Он пожал плечами. «Может, так даже лучше, – подумал он, – похоже, она умнее, чем мне показалось».

Насвистывая, Джек вернулся в спальню. Он понял, что за мелодия привязалась к нему. «Провожая домой мою крошку». Перестав свистеть, он прошел в ванную, чтобы пустить воду. Включив свет, Джек увидел большую букву V, выведенную губной помадой на зеркале, висящем над раковиной. Он усмехнулся. Нет, это не похоже на расставание. Телефон еще зазвонит.

Обрадованный, Джек повернул краны. В стену ванной было вделано большое, в человеческий рост, зеркало; он задумчиво посмотрел на отражение своего обнаженного тела, за которым поднимался идущий от воды пар. В молодости он часто разглядывал свое тело в зеркале. Учась в колледже, Джек играл в футбол, пока не повредил колено; доктора пригрозили ему, что хромота останется на всю жизнь, если он не откажется от спорта. Тогда у него было тело атлета, и он с гордостью рассматривал округлые мощные плечи, плоский мускулистый живот, длинные, сильные ноги. При каждом движении мышцы играли под гладкой кожей. Поступив в театр, Джек четыре раза в неделю занимался в гимнастическом зале, делая упражнения на кольцах, брусьях, турнике, чтобы легче справиться с любой ролью. Но после госпиталя, утратив из-за длительного приема морфия упругость мускулатуры, приобретя красные рубцы, следы пересадки кожи, и утолщение челюсти, он старался избегать зеркал. Джек не хотел причинять себе боль. Случайно оказываясь перед зеркалом, он смотрел на себя с отвращением, замечая появляющуюся с годами грузность. Он частично восстановил свою форму: дряблость мышц исчезла, тело снова стало налитым, крепким, но гибкость и стройность пропали. От паренька, мощным ударом вводящего мяч в игру, в прыжке перехватывающего пасы, осталось только смутное воспоминание.

Но сейчас Джек ощутил, что разглядывает свое тело с одобрением. Вспоминая, как славно оно послужало ему сегодня, он как бы заново открывал его для себя. «Не так уж

я плох, – подумал Джек, посмеиваясь над своим тщеславием, – ушедшая молодость не все забрала с собой, зрелость принесла не только разрушение. Скинь десяток фунтов, – сказал он себе, критически изучая талию, – и ты будешь в полном порядке. Животик пока не наметился, и все основные линии сохранились».

Забравшись в ванну, Джек долго лежал в ней, каждые две-три минуты добавляя горячую воду; очищающий пот тек по его лбу. На запотевшем зеркале над раковиной алела буква V. «Надо попросить горничную не стирать ее в течение двух недель, до моего отъезда», – подумал Джек.

Одевшись, он почувствовал, что идти на коктейль совсем не хочется: слишком хорошо было у него на душе. Джек спустился в холл и попросил швейцара передать шоферу, что сегодня машина ему не понадобится. Пройдя в бар, он заказал martini, радуясь одиночеству, перспективе провести вечер наедине с собой. Он заметил уже знакомую ему компанию молодых итальянцев, сейчас они не пробудили в нем ревность.

Джек допил martini, вышел из гостиницы и направился вдоль улицы, поглядывая в окна; несмотря на холодный, порывистый ветер, Джек распахнул пальто. Он обнаружил, что (и вряд ли случайно) движется в сторону кинотеатра, где демонстрировалась «Украденная полночь». Дойдя до кинотеатра, Джек остановился и стал с любопытством, но без волнения и грусти рассматривать фотографии – кадры из фильма. Увидев Карлотту, он захотел узнать, где она сейчас, как выглядит, что он пережил бы, если бы она вошла сегодня в его номер. Он на мгновение испытал соблазн снова посмотреть картину, изучить себя прежнего и попытаться понять, чем пленилась Вероника. Но потом Джек отверг эту идею, решив, что он уже исчерпал дневную норму нарциссизма.

Он пообедал в маленьком безлюдном ресторане. Вспомнив про десять фунтов, отказался от хлеба и pasta. Поев, зашагал в сторону Форума, по дороге выпил чашечку кофе и рюмку итальянского бренди. Над пустынным Форумом с запертыми на ночь воротами висел месяц. Джек застегнул пальто на все пуговицы.

Стоя с непокрытой головой на зимнем ветру, он испытывал радостное чувство свободы от всяческих уз. Сейчас никто на свете не знал, где он находится, никто не мог потребовать что-либо от него в этот миг; он был недосягаем для всех, принадлежал лишь самому себе. «Я спрятался в центре Европы, у корней континента, среди руин», – подумал он.

Джек вспомнил отрывок из речи Цицерона, некогда произнесенный среди этих камней. Школьная программа по латыни, шпаргалка, лежащая на парте. *О времена! О нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в Сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает тех из нас, кто должен быть убит*²³. Цицерона задушили далеко от места его триумфа, спустя годы после того, как стихли аплодисменты. Несчастный старик, должно быть, проклял свой ораторский дар, когда его схватили.

«Я – римлянин, – мысленно произнес Джек, вспомнив игру, любимую им в детстве, когда он лежал вечером в постели с закрытыми глазами и говорил себе: «Я – эскимос, в моем углу тепло, я слышу крики тюленей». Или: «Я – Натан Хейл²⁴, утром меня повесят». Или: «Я – Джабел Эрли²⁵, объезжающий войска конфедератов на вороном коне». «Я – римлянин, – подумал Джек, перенесшийся в тот век, когда родился и был распят Христос. – Я только что пообедал, зимний ветер приносит стужу с Апеннин, я немного перебрал и слышу, как старик из Афин играет на флейте, а мальчик аккомпанирует ему на лире. Благословенны безмолвие и темнота, царящие на ступенях Сената. Говорят, на завтра назначен выход Августа, состоятся игры, гла-

²³ Перевод В. Горенштейна.

²⁴ Натан Хейл (1755–1776) – американский офицер и разведчик, казненный англичанами.

²⁵ Джабел Эрли (1816–1894) – генерал армии конфедератов.

диатор, вооруженный сетью и трезубцем, сразится с африканским львом. Даже сейчас слышен рев зверя, запертого под Колизеем в подвале с каменными стенами. Ретиарий готовится к завтрашнему утру: чинит сеть, проверяет прочность узлов, точит трезубец.

Римлянин, ты прогуливаешься в одиночестве на холодном полночном ветру, среди высоких мраморных колонн; думаешь о жестоких, безжалостных людях, коварных сластолюбцах в тогах, заполняющих это место днем, понимаешь, насколько вечно и неискоренимо зло, процветающее и на этих холмах».

Он услышал шаги в отдалении, увидел двух полицейских, на которых падал свет уличного фонаря. Они остановились, посмотрели на него; Джек представил себе, что в их глазах застыло извечное подозрение; они ждали, когда он совершит нечто предосудительное, полезет на стену, поднимет с земли кусочек мрамора, сунет в карман отколовшуюся частицу истории.

Полицейские снова сделали его американцем, отняли призрачное римское гражданство. За ним следили две пары глаз; он утратил свою недосыгаемость, мир предъявлял ему свои требования; он был объектом наблюдения, его инкогнито грозили нарушить. Грохот мчащейся колесницы превратили в шорох, львы смолкли, в подвалы сквозь распахнутые двери проник лунный свет. Из соседнего бара доносилась джазовая мелодия. С появлением полицейских звуки, льющиеся из флейты, сменились чиханьем мотоциклетного мотора, доносящимся с улицы. Христос и Цицерон давно умерли, и лишь ночной ветер дул с гор так же, как и две тысячи лет назад.

Джек двинулся вдоль стены, глядя на неровный тротуар. Полицейские проводили его взглядом, наверно, думая: «Если понадобится, мы задержим его в другой раз».

Устав от ходьбы, он поймал такси. Возле отеля пересек улицу и подошел к газетному киоску, заваленному журналами с портретами кинозвезд на обложках. Джек купил парижскую «Трибюн» и посмотрел на стопки англоязычных книг в ярких мягких обложках. Его внимание привлекла книга, сдержанностью своего оформления выделявшаяся среди изданий, украшенных изображениями шикарных полулежащих красоток и джентльменов с револьверами. Он взял в руки неброский томик. Это был сборник стихотворений Катулла, переведенных английским поэтом. Джек решил, что Катулл – это именно то, что ему требуется после видений, навеянных стенами Форума; купив книгу, он направился в отель.

Забирая свой ключ у портье, он испытал легкое разочарование – в его ящике не лежало никакой корреспонденции. «Что ж, – сказал себе Джек, – обойдусь обществом Катулла».

Скинув туфли и пиджак, расстегнув воротничок рубашки, он устроился в гостиной и начал читать.

Значит, время пришло – поспешно юноши встали.
Смело встали, сейчас запоют: нужна им победа!
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!²⁶

Внезапно зазвонил телефон. Джек дал ему прозвенеть дважды, наслаждаясь предвкушением того, что сейчас услышит в трубке знакомый голос. Подняв ее, он произнес:

– Аллю.

– Мистер Эндрюс? – спросил какой-то мужчина.

– Да.

– Вы меня не знаете. Я – Роберт Брезач. Не могли бы мы с вами встретиться, мистер Эндрюс?

Голос, как показалось Джеку, принадлежал вежливому, молодому, образованному американцу.

²⁶ Перевод С. Шервинского.

Джек взглянул на часы. Уже перевалило за полночь.

– Нельзя ли обождать до завтрашнего дня?

– Я – друг мистера Деспьера, – сказал незнакомец. – Дело не терпит отлагательства.

Джек вздохнул:

– Ладно. Я в номере 654.

Джек опустил трубку, испытывая раздражение. Это было так похоже на Деспьера – послать к нему друга, способного настаивать на встрече в первом часу ночи.

Джек отнес Катулла в спальню. Он постеснялся оставить томик на виду, тем более что он был тут единственной книгой, не считая путеводителя по Риму, купленного Джеком в лавке на берегу Сены и привезенного сюда в надежде, что удастся посмотреть достопримечательности. Если гость окажется наблюдательным и сообщит Деспьеру о том, что видел эту книгу в номере Джека, Жан-Батист, несомненно, решит, что томик Катулла – декорация, с помощью которой Джек пускает своим посетителям пыль в глаза.

Раздался стук. Джек подошел к двери гостиной и открыл ее. У порога стоял высокий человек в пальто цвета хаки с капюшоном и деревянными застежками.

– Входите, – сказал Джек и сделал шаг в сторону, чтобы Брезач мог пройти через маленькую прихожую в комнату. Закрыв дверь, Джек проследовал за гостем. Оказавшись в комнате, Брезач повернулся и посмотрел на Джека. У русоволосого, коротко подстриженного и очень красивого молодого человека лицо было таким же худым и нервным, как у Стива, сына Джека. Брезач стоял, с любопытством разглядывая Джека сквозь стекла очков серьезными внимательными глазами.

– Я убью вас, Эндрюс, – сказал Брезач.

Глава восьмая

Кажется, он произнес что-то еще, подумал Джек, недоумевающе улыбаясь своему гостю, но разобрал только эти слова.

– Что вы сказали? – спросил Джек.

Молодой человек держал руки в глубоких карманах пальто. Вдруг он резко вытащил правую руку, и Джек увидел в ней складной нож. Раздался щелчок, и свет лампы отразился тусклым зайчиком на длинном лезвии. Блестящая стальная поверхность играла в дрожащей руке Брезача. Высокий, крупный, в свободно скроенном пальто, с окаменевшим лицом и глазами, прикованными к Джеку, он молча стоял посреди комнаты; выражение его лица было жалобным, умоляющим.

Так вот что все это значило – удар, кровь, сон, недобрые предчувствия, воскресшие мертвецы. Его предупреждали об этом ноже.

– Уберите нож, – решительно приказал Джек.

Дверь прихожей была захлопнута; если бы Джек вздумал броситься к ней, парень догнал бы его, не дав открыть ее даже наполовину. К тому же дверь открывалась внутрь.

Брезач не двигался. Только едва уловимое подрагивание ножа выдавало его волнение. Он периодически втягивал в себя воздух через приоткрытый рот, как бы вздыхая. Брезач явно старался дышать спокойно. Других звуков не было слышно. Закрытые окна, шторы, двери и толстые стены не пропускали их в номер. «Мой крик никто не услышит, даже если парню не удастся вонзить мне нож в горло за минуту-другую», – подумал Джек.

В двух или трех фильмах были подобные сцены – безоружный Джек стоит перед человеком с ножом, собирающимся убить его. В кино Джеку всегда удавалось спастись, внезапно перехватив руку нападавшего, неожиданно бросив лампу, опрокинув стол, выключив свет. Во время просмотра поведение его героя всегда казалось Джеку разумным. Но сейчас он находился не на съемочной площадке, и нож был стальным, а не бутафорским, сценарист не мог расчерком пера отвести лезвие от Джека.

– Где она? – спросил Брезач. – Она здесь?

Он указал ножом на спальню; рука Брезача неохотно подчинялась юноше.

– Кто?

– Не считайте меня глупцом. Я сюда пришел не затем, чтобы мне морочили голову. – Глубокий, чистый, приятный баритон Брезача не годился для угроз. – Вероника.

– Нет, – ответил Джек, – ее здесь нет.

– Вы мне лжете.

– Проверьте сами, – небрежно сказал Джек.

Он знал, что не должен демонстрировать парню свой испуг.

Брезач неуверенно шагнул в сторону спальни. Джек заметил, что рот его искривился, а на скулах заходили желваки. Лицо парня заострилось, черты стали более резкими, на впалых щеках образовались треугольные тени.

– Хорошо. – Брезач шагнул к Джеку. – Вы пойдете первым.

Джек заколебался. Здесь, в гостиной, где лишь свободное пространство отделяло Эндрюса от Брезача, Джек был во власти его ножа. В спальне он мог укрыться от Брезача за кроватью, схватить лампу или тяжелый чемодан и использовать их как средство защиты, а может, нападения. Он повернулся и быстро прошел в спальню; юноша следовал по пятам.

В тускло освещенной комнате горел лишь ночник у постели. Яркая полоска света падала через приоткрытую дверь ванной на пол спальни. Войдя в комнату, Джек увидел половину буквы V, выведенной на зеркале Вероникой. Джек подошел к большому шкафу. Брезач не отставал от Джека.

– Стойте, – сказал Брезач.

Джек остановился. Между ним и парнем не было кровати, но в двух футах от Джека лежал кожаный чемодан. Если бы Брезач бросился сейчас на Эндрюса, Джек успел бы схватить чемодан. Юноша стоял возле расстеленной двуспальной кровати; одеяло и простыня с одной стороны были отогнуты аккуратным треугольником, две подушки – тщательно взбиты.

– Так вот где это случилось, – произнес Брезач.

Он коснулся коленом кровати. Юношу немного качнуло, его голова заметно ходила из стороны в сторону, и Джек понял, что Брезач пьян.

– Славно провели время, мистер Эндрюс? – хрипло спросил он, и уголок его рта слегка опустился, словно в тике. – В постели наша маленькая Вероника – просто чудо, верно?

Резким движением ножа он сорвал одеяло и простыни с кровати.

– Вот здесь, на этой самой постели, – произнес Брезач.

Его глаза наполнились слезами, но это не успокоило Джека, напротив, молодой человек показался ему еще более опасным.

– Приятная картина, не правда ли? – продолжал Брезач. – Вероника с раздвинутыми ногами.

– Прекратите, – сказал Джек, не рассчитывая на то, что его слова подействуют на плачущего юношу. – Какой смысл в подобных разговорах?

– Большой, – сказал Брезач, сделав рукой, держащей нож, неуклюжий ораторский жест. – Хочу все представить себе, понимаете? Воссоздать точную картину. Эта девушка мне небезразлична, я хочу знать обо всем, что с ней происходит. Когда вы ввели в нее член, она прошептала: «О Боже»? Я не обижу вас, если скажу, что со мной она всегда произносит эти слова? Да?

Он криво улыбнулся, всхлипнув.

– Старое католическое воспитание. Господь должен благословить каждое совокупление. – Брезач снова страдальчески усмехнулся сквозь слезы. – Ну? Она шептала: «О Боже»?

– Я не желаю с вами разговаривать, – твердо произнес Джек, – до тех пор, пока вы не уберете нож.

– Я уберу его тогда, когда он будет мне уже не нужен. – Брезач снова яростно махнул ножом и уставился припухшими голубыми глазами на Джека. – Она засовывала язык вам в ухо, когда вы предавались любви? Вам известно, как будет по-итальянски «трахаться»? Где она?! – Он перешел на крик. – Она сбежала от меня. Где она сейчас?!

Брезач приблизился к Джеку; его красивое худое лицо было мокрым от слез. Джек отступил на полшага и взялся за ручку кожаного чемодана, готовясь защищаться.

– Вы, вероятно, находились сегодня днем в превосходной форме, – сказал Брезач. – Были так великолепны, что, вернувшись домой, она тотчас бросилась собирать свои вещи и ушла от меня. Она не могла дожждаться... Кто вы – бык, жеребец? Сняли девушку в кафе, повалялись с ней в постели полчаса, и вся ее жизнь изменилась. Люблю, заявляет она, люблю, люблю, люблю. Что у вас там?

Брезач опустил нож ниже пояса, и Джек ощутил, что у него внезапно сжалась мошонка.

– Должно быть, нечто потрясающее, восьмое чудо света. Расстегните брюки, я хочу увидеть восьмое чудо света, отдать ему дань восхищения.

Брезач задыхался, хищно обнажая зубы; его руки тряслись, он конвульсивно чуть разжимал их и тут же снова сжимал, отчего нож вздрагивал.

Джек сильнее стиснул ручку чемодана. Правую руку он согнул в локте, выставив ее вперед и не отводя глаз от ножа. «Если парень сделает движение, – решил Джек, – я пойду ему навстречу и попытаюсь перехватить его правое запястье».

– Послушайте, – миролюбиво произнес Джек, – сейчас вы взволнованы и не соображаете, что творите. Обождите немного, подумайте, и тогда...

– Где она? Где вы ее прячете?

Брезач обвел комнату безумным взглядом. Резким движением руки распахнул дверцу шкафа, внезапно решив, что девушка может находиться в нем. Костюмы Джека закачались на вешалках.

– Послушайте, Эндрюс, – умоляющим тоном произнес он, – скажите мне, где она. Я должен это знать.

– Я не знаю, где она, – заявил Джек. – И если бы знал, то не сказал бы вам. Во всяком случае, пока вы размахиваете ножом.

– С вами бесполезно говорить, – хрипло сказал Брезач.

Сняв очки, он вытер глаза рукавом пальто.

– И чего я жду? Только зря теряю время. Мне следовало сразу же вонзить в вас нож. Я исправлю свою ошибку. – На его лице появилась вымученная улыбка. – Реализовать благое намерение никогда не поздно.

Ну вот, подумал Джек, начинается. Его пальцы, сжимавшие ручку чемодана, были влажными от пота. Он напряженно ждал, когда Брезач сделает движение.

И тут зазвонил телефон.

Они замерли, парализованные внезапным звуком.

Раздался второй звонок. Парень неуверенно посмотрел на аппарат. «Ему явно недостает опыта по части убийства, – подумал Джек. – Как и мне. Мы оба – новички. Это занятие для профессионалов».

– Ответьте, – дрожащим голосом произнес наконец Брезач. – Возможно, это она. Пусть поднимется сюда. *Ответьте!*

Джек отправился к столу мимо Брезача. Сняв трубку, он плотно прижал ее к уху, чтобы парень не услышал голоса звонившего.

– Алло. – Джек удивился тому, как спокойно звучит его голос.

– Это Делани. Где ты пропадал весь вечер? Я думал, ты придешь на коктейль.

– Извини. – Джек чувствовал, что Брезач настороженно следит за ним. – Я не смог.

– Это она? – прошептал юноша.

Задумавшись на мгновение, Джек кивнул.

– Скажите ей, пусть поднимается. Немедленно, – добавил Брезач.

– Послушай, – сказал Делани, – я хочу тебя кое с кем познакомить. Мы сейчас находимся в вестибюле. У тебя найдется что-нибудь выпить?

– Конечно, приходи... – Бросив взгляд на Брезача, он добавил: – Моя радость.

– Что? Ты что сказал? – раздраженно спросил Делани, и Джек испугался, не услышал ли Брезач громкий голос Мориса.

– Я говорю, приходи. Ты помнишь мой номер? Шестьсот пятьдесят четвертый, – отчетливо выговаривая слова, произнес Джек.

Повесив трубку, он повернулся к Брезачу.

– Теперь, – сказал Джек с уверенностью в голосе, которую вовсе не испытывал, – теперь, вероятно, мы сможем все уладить мирным путем, как подобает цивилизованным людям.

Он неторопливо прошел в гостиную мимо Брезача, застывшего в нерешительности возле кровати с ножом в едва сжатой руке. Брезач бросился вслед за Джеком и встал возле входной двери, отрезая путь в коридор.

– Без фокусов, – сказал он.

– Помолчите, – устало выговорил Джек.

Он опустился в кресло, возле которого стояли его туфли. Принялся медленно натягивать их. Они были ему тесноваты, поэтому Джек, не имея под рукой рожка, немного помучился с задником. Потом аккуратно завязал шнурки и вытянулся в кресле, разглядывая туфли. Масивные, на толстой подошве, они могли ему пригодиться. Точным ударом ноги, обутой в такую туфлю, можно было вывести из строя кого угодно.

– Выпейте, – Джек указал на столик, где стояли бутылки с шотландским виски и бурбоном. – Это поможет вам успокоить нервы.

– Не тревожьтесь о моих нервах, – произнес Брезач тоном агрессивного и неуверенного в себе школьника. – Они у меня в порядке.

– Вы потеряли голову. Если вы и впредь будете вести себя подобным образом, вас посадят в психушку. – Наконец ситуация стала забавлять Джека. – Даже в Италии всему есть предел.

Юноша вздохнул. Он казался усталым, измученным; пальто было ему велико, его шили на более крупного мужчину.

– О Господи, – тихо произнес Брезач, – о Господи.

Он смущенно посмотрел на опущенный нож. Медленно сложил его и убрал в карман.

– Верните ее мне, – прошептал он. – Пожалуйста, верните ее мне.

В номер постучали; не успели они пошевелиться, как дверь открылась, зазвучали голоса, и в комнату вошли Делани, трое мужчин и две укутанные в меха женщины. Один из мужчин был в серой ковбойской шляпе с узкой коричневой лентой.

– Надевай пальто, – сказал Делани. – В лифте девушки решили, что хотят танцевать.

Остановившись, он уставился на Брезача. Парень замер напротив компании, выставив руки вперед и растопырив пальцы; он, похоже, испугался, что сейчас все разом набросятся на него. Угол его рта подергивался, вид у юноши был разочарованный, жалкий, он близоруко смотрел поверх женских плеч в коридор, словно надеясь, что произошла какая-то ошибка и сейчас в номер войдет та, которую он ждал. Делани по-прежнему с любопытством разглядывал Брезача. Джек встал, улыбаясь гостям.

– Послушай, Джек, – сказал Делани, не спуская глаз с Брезача, – ты назвал меня по телефону «моя радость»?

– Кажется, да, – ответил Джек. – В тот момент я испытывал к тебе исключительно нежные чувства.

Брезач резко повернул голову в сторону Джека.

– Негодай, – пробормотал он и бросился к двери, растолкав обладательниц меховых шуб. Джек услышал постепенно стихающий топот бегущих ног.

– Черт возьми, кто это? – спросил Делани.

– Старый друг, – сказал Джек. – Я сейчас. Только немного освежусь. Вот бутылки.

Указав на стол, он направился в спальню, закрыл за собой дверь; компания осталась в гостиной.

Пройдя в ванную, он посмотрел на себя в зеркало. Лоб его был покрыт капельками пота, щеки запали от усталости, вид у него был такой, словно он только что пробежал милью в гору. Дрожащими руками Джек открыл кран и начал плескать ледяную воду на лицо и волосы; его душил нервный спазматический кашель. Он энергично вытерся, и щеки снова порозовели; Джек тщательно причесался, поправил галстук. Увидел свое лицо на фоне буквы V. Пройдя в спальню, надел пиджак; из соседней комнаты донесся женский смех. Прежде чем вернуться в гостиную, Джек накрыл постель покрывалом, заметив, что Брезач проткнул простыню ножом. Завтра утром горничная получит пищу для размышлений, подумал Джек. Пусть поищет спрятанный американский кинжал.

Раскрытый Катулл лежал на столе обложкой кверху. *Значит, время пришло – поспешно юноши встали...*

Он направился в гостиную знакомиться со спутниками Делани.

Глава девятая

Своим убранством интерьер ночного клуба напоминал дворец эпохи Возрождения; на стенах висели гобелены; свечи, стоящие в золоченых канделябрах, бросали неяркий свет на столики. Заведение занимало последний этаж здания, построенного в шестнадцатом веке на берегу Тибра. На первом этаже находился бар с негром-пианистом, на втором – ресторан со струнным ансамблем из трех музыкантов. В ночной клуб можно было пройти через второй бар, размещенный на третьем этаже. У стойки Джек заметил молодых итальянцев с напыженными волосами, которых он уже видел в гостинице. Бодрые, развращенные, веселые, даже в столь поздний час не ведающие усталости, они добавляли яркие краски в палитру римской ночи.

Джек сидел за столиком в углу зала, слушая игру музыкантов, с удовольствием допивая третью порцию виски, испытывая приятную отстраненность от окружающих его людей. Одной из дам, укутанных в меха, оказалась синьора Барзелли, исполнявшая главную роль в фильме, который снимал сейчас Делани. Она сидела рядом с Делани на другом конце стола, потягивая шампанское и нежно, методично поглаживая бедро режиссера; на ее прекрасном, благородном, смуглом лице застыло скучающее выражение; казалось, после окончания рабочего дня она не желала брать на себя труд говорить по-английски и понимать этот язык. Возле нее находилась вторая женщина в норковой шубке, тоненькая крашеная блондинка лет сорока пяти, на которой было девичье платье с кружевами; она тоже пила шампанское. Ее звали миссис Холт. Она была немного пьяна. Время от времени поглядывая на людей, танцующих в разноцветных лучах прожекторов, искусно разбросанных по залу, она вытирала слезу огромным кружевным платком.

Напротив блондинки сидел Тачино, продюсер картины, маленький человек с глазами неаполитанца; он был так красив, что мог играть главные роли в своих фильмах, если бы сумел подрасти дюйма на четыре. Он увлеченно беседовал с Делани, не подозревая, что происходит под столом. Возле Джека сидел другой итальянец – приземистый крепыш Тассети с лицом печального гангстера; он был у Тачино не то телохранителем, не то секретарем, не то администратором. Иногда Тассети поворачивался в кресле и окидывал зал настороженным взглядом, выискивая среди полумрака ночного клуба убийц, кредиторов или нежелательных претендентов на роли. Он не говорил по-английски, но, похоже, его забавляло окружение; иногда он обращался к Джеку с несколькими словами на ломаном французском.

Человек в ковбойской шляпе тоже находился здесь. Он оказался мужем миссис Холт, приехавшим из Оклахомы. Мистер Холт часто повторял весьма дружелюбным тоном: «Италия – просто чудо». Когда его жена вытирала слезы, он с нежностью улыбался и подбадривал ее, поигрывая пальцами поднятой руки. У выглядевшего лет на пятьдесят Холта было изборожденное морщинами, худое, обветренное лицо; он напоминал управляющего ранчо. Он поведал Джеку о том, что картина Делани снимается на его средства. Холт собирался основать компанию, чтобы снять в Европе совместно с Делани и Тачино еще три фильма. Выяснилось, что Холт владеет нефтепромыслами в Техасе, на побережье Персидского залива и в Оклахоме. Он говорил медленно, почти застенчиво, с вежливостью фермера, и как только уровень жидкости в бокалах Джека или Тассети немного опускался, Холт тотчас подливал туда виски из бутылки, оставленной для них на столе официантом.

В другой ситуации Джек давно бы сбежал с подобного мероприятия, где люди говорили о сексе, вложениях капитала, интриговали и накачивались спиртным. Но сегодня, после того что произошло с ним этим вечером, он механически улыбался мистеру Холту, произносил:

«Oui, vous avez raison»²⁷ или, отвечая Тассети, говорил: «Non, c'est exact»²⁸, наслаждался этрусской красотой Барзелли, избавленный от необходимости беседовать с ней, поглядывал на хорошеньких женщин в нарядных вечерних туалетах, проплывавших в полумраке площадки для танцев, – все это возвращало Джеку спокойствие, уверенность в себе. Здесь не было плачущего юноши, одержимого жаждой мести и проткнувшего простыню ножом. После третьего бокала виски, слившись с нежной ночью, напоенной ароматом Ренессанса, Джек был готов просидеть здесь безучастным зрителем хоть до рассвета. Если он и испытывал к кому-то жалость, то разве что к Кларе, жене Делани, скучавшей в одиночестве арендованной барочной спальни; ее супружеские права беззастенчиво ущемлялись опытной крестьянской рукой, умело гладившей бедро Делани.

Когда Джек услышал в трубке гостиничного телефона голос Делани, он решил прибегнуть к помощи режиссера, чтобы избавиться от Брезача. Морис, как большинство людей, пользующихся влиянием в Голливуде, был мастером по части публичных скандалов; он мог дать Джеку дельный совет. Но сейчас, убаюканный музыкой, размягченный алкоголем, Джек решил, что справится с ситуацией самостоятельно. Брезач превратился в смутное, нереальное видение, гротескную фигуру; плачущий, нелепо вооруженный, он наверняка исчезнет так же внезапно, как появился. Благодаря воздействию виски и кубинских мелодий Джеку было трудно представить, что всего час назад его жизни угрожала опасность. Утро все поставит на свои места. Завтра, подумал он, Вероника, возможно, пожалеет о своей поспешности и вернется в квартиру, где проживала с юношей, попросит прощения, и на этом история завершится. Сейчас Джек относился к такой перспективе без эмоций. «Мне не двадцать пять, – сказал он себе, – я не умру от ревности. Ни от своей собственной, ни от чужой».

– Знаете, я не сам до этого дошел, – говорил ему Холт. – Я плачу дорогому нью-йоркскому адвокату сотню тысяч в год не для того, чтобы пренебрегать его советами. Я прислушиваюсь к ним. Он показал мне, как вкладывать по полмиллиона долларов в год на протяжении пяти лет без риска остаться в убытке даже в случае неудачи. Правительство платит десять тысяч в год человеку, пытающемуся отобрать у нас часть наших доходов, в то время как мы отдаем сто тысяч тому, кто помогает нам сохранить их. Так какая голова лучше справится со своей задачей – стоящая десять или сто тысяч?

²⁷ Да, вы правы (*фр.*).

²⁸ Нет, это точно (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.